

Е.В. Петров

ОСНОВЫ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Учебное пособие

**Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2008**

ББК 63.3(О)4 я73

П 30

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории
Тюменского государственного университета *А.Г.Еманов*;
кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории
Омского государственного университета *И.В.Кондаков*

Петров Е.В.

П 30 Основы истории средних веков: Учебное пособие. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2008. — 71 с.

ISBN 5-89988-461-4

В пособии, рассчитанном в первую очередь на студентов-заочников исторических факультетов педагогических и гуманитарных институтов, дается характеристика периода феодализма и его места в курсе истории средних веков.

Пособие составлено в полном соответствии с учебной программой. Цель его — помочь студентам разобраться в основных проблемах средневековья и облегчить усвоение материала курса.

ББК 63.3(О)4 я73

ISBN 5-89988-461-4

© Петров Е.В., 2008

© Издательство НГГУ, 2008

Часть I

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА

Зарождение и развитие феодальных отношений в Западной Европе — результат исторического синтеза двух линий развития: поздне рабовладельческого общества Римской империи и родового общества «варварской» периферии.

Основные элементы нового феодального способа производства вышли из недр рабовладельческого общества в ходе его упадка и разложения. Постепенно эти элементы окрепли и начали превращаться в уклад. Формированию феодального уклада и перерастанию его в формацию решительно содействовали вторжения «варваров», «омолодивших» своими общинно-родовыми порядками старую рабовладельческую Европу.

«Варварские» государства, образовавшиеся в результате вторжений и завоеваний V—VI вв., становятся первыми раннефеодальными государствами.

Постепенно феодальный строй окончательно складывается и укрепляется. Ко времени распада крупнейшего из «варварских» государств — государства франков — и образования на его развалинах самостоятельных феодальных монархий (IX—XI вв.) новый способ производства полностью вытесняет старый и прочно занимает его место.

Таковы общие рамки периода становления (генезиса) феодализма. Логически и хронологически этот период распадается на два раздела. В основе первого из них лежит борьба Рима и «варваров», в ходе которой отдельные элементы феодального способа производства переходят в уклад (III—V вв.). Второй раздел этого периода рассматривает дальнейшее развитие феодализации Европы, вплоть до превращения уклада в формацию и окончательного утверждения этой формации (VI—XI вв.).

1.1. Римская империя и «варвары»

В III в. Римская империя вступила в полосу острого экономического, социального и политического кризиса. Отличительными чертами этого кризиса были его длительная хронологическая протяженность и безысходность для одряхлевшего рабовладельческого мира. Черты эти оказались присущи данному кризису потому, что он стал общим кризисом всей рабовладельческой системы в целом.

Рабовладельческое хозяйство и зарождение предпосылок к кризису. Известно, что рабовладельческое хозяйство было экстенсивным, малопроизводительным. Условия труда в рабовладельческом обществе таковы, что они физически истребляют производителей, лишенных необходимого продукта и подвергающихся жесточайшей эксплуатации. Вследствие этого каждый отдельно взятый раб не является инициативным работником; он отрицательно относится к труду, который его умерщвляет, он ненавидит орудия производства, в которых воплощены для него ненавистные цепи неволи.

Поэтому рабовладельческое хозяйство может давать известный экономический эффект только при наличии по крайней мере двух обязательных предпосылок:

а) необходимо, чтобы умерших или нетрудоспособных рабов можно было легко и без больших затрат заменить новыми, пригодными к эксплуатации рабами, т.е. нужен неиссякаемый источник рабства;

б) необходимо, чтобы в каждом хозяйстве трудилось возможно большее количество рабов; в этом случае недостаточность труда каждого отдельно взятого раба восполняется общим количеством работы, произведенной всеми рабами.

Обе эти предпосылки, тесно взаимосвязанные, как раз и имелись в Римском государстве периода его формирования и расцвета. Агрессивные захватнические войны, которые проводил Рим в течение многих столетий, создавали постоянный источник рабства, а крупные поместья сенаторов и полководцев — латифундии — давали возможность использовать в хозяйстве максимальное количество рабов. Именно поэтому Римское государство неуклонно разрасталось от пределов города до пределов огромной империи.

Именно поэтому основной тенденцией всей истории Рима был прогрессирующий рост крупного землевладения, приводивший к созданию новых и новых рабовладельческих плантаций — латифундий.

До тех пор пока действовали указанные предпосылки, общественный строй Рима развивался и процветал. Растущий экономический подъем рабовладельческого поместья укреплял товарное хозяйство, приводил к образованию новых городов, создавал условия для формирования высокой античной культуры.

Однако в самой структуре римского общественного строя существовали факторы, неуклонно подтачивавшие основу рабовладельческой формации. Эти факторы, вначале едва различимые, выявлялись тем сильнее, чем дальше продвигалось общество по пути развития рабовладельческого плантационного хозяйства.

Свои грандиозные завоевания Римское государство могло проводить лишь опираясь на сильную, хорошо вооруженную и тактически оснащенную, боеспособную армию. В первые века до н.э. такая армия имелась. Сила ее заключалась не только в превосходном вооружении и хорошей обученности. Старая римская армия состояла из мелких землевладельцев-крестьян, которых агрессивные рабовладельческие круги из века в век демагогически нацеливали на внешние войны. Завоевывая новые земли, крестьяне в касках легионеров рассчитывали улучшить свое личное положение, увеличить свои наделы, выйти из состояния вечной нужды. Однако этим мечтам не суждено было осуществиться.

Новые завоевания, бросавшие в рабовладельческую «мясорубку» сотни тысяч людей, вместе с тем неуклонно расширяли основу для крупного рабовладельческого хозяйства. Росло крупное землевладение. Увеличивались поместья полководцев и связанных с ними общественных группировок. И чем больше развивались латифундии, тем меньше оставалось крестьянских участков: крупное землевладение в процессе своего роста неизбежно поглощало мелкое. В результате этого процесса римское крестьянство как социальная группа стало исчезать.

Но разорение римского крестьянства должно было неизбежно коренным образом изменить социальный состав римской армии. Теперь императоры оказались вынужденными привлекать в свои легионы люмпен-пролетариев, вольноотпущенников, колонов,

наконец, «варваров». Новая армия в плане охранения интересов рабовладельческого общества не могла идти ни в какое сравнение со старой. Трудно было надеяться с помощью армии из бывших рабов и колонов победить социальные движения тех же рабов и колонов, невозможно было рассчитывать с помощью легионов, состоявших из вчерашних «варваров», разбить и покорить «варваров» сегодняшних, тем более что в самом «варварском» обществе к этому времени произошли значительные перемены.

Изменения в общественном строе варваров. В первые века до нашей эры — начале нашей эры «варвары», обитавшие на периферии Римской империи, близ ее границ (прежде всего древние германцы), жили типичным родовым строем. Они почти не знали земледелия. Главной отраслью их хозяйства было скотоводство, с которым сочетались охота, рыбная ловля и другие промыслы. Вследствие этого «варвары» не дорожили землей, вели полукочевой образ жизни и были очень подвижны. У них не было социального деления общества. Отсутствовало и государство. Родовые старейшины и вожди, избиравшиеся племенем, не имели большой власти и во всем подчинялись воле народного собрания.

Однако уже в первые века нашей эры эта картина стала меняться. Родовой строй у «варваров» активно разлагался, чему способствовало постоянное взаимопроникновение «варварских» и рабовладельческих идущих из Римского государства порядков.

Развитие производительных сил варварской периферии вело к первому великому общественному разделению труда — отделению земледелия от скотоводства. Земледелие у «варваров» начало играть все большую роль, постепенно оттесняя скотоводство и другие отрасли хозяйства на второй план. Вследствие этого у «варваров» наметилось увеличение оседлости, стала обнаруживаться тяга к земле. Теперь они дорожили землей не покидали ее. Вместе с тем, активно шел процесс социальной дифференциации. Начала выделяться родовая знать, владевшая большими стадами и стремившаяся занять большие и лучшие земли. Поввысилась роль военного вождя, опиравшегося на постоянную дружину. Родовая знать, дружинники и вожди для ведения своего хозяйства нуждались в рабочей силе. Появилось патриархальное рабство. У «варваров» складывался переходный строй, названный «военной демократией».

В этих условиях сопротивление «варваров» римской агрессии значительно усиливается. Теперь они были готовы до последней капли крови бороться за землю, которую прежде с легкостью покидали. Теперь они лучше были вооружены и технически лучше подготовлены. Война стала для них регулярным занятием, и они не страшились померяться силами с любым захватчиком.

Общий кризис рабовладельческой системы хозяйства. Таким образом, уже в первые века нашей эры рабовладельческому Риму было суждено испытать удары двоякого рода. С одной стороны, ослабевала его военная мощь, а также потенция к агрессии. С другой стороны, постоянный объект этой агрессии — «варварские» племена — изменили свое лицо и теперь были готовы не только к тому, чтобы дать отпор агрессору, но и к тому, чтобы вторгнуться на его территорию.

Вследствие этого территориальные захваты Римского государства стали сокращаться, а затем и вовсе прекратились. От наступления Рим вынужден был перейти к обороне. Уже в I в. н.э. стали создаваться долговременные укрепления на Рейне и Дунае, на Балканском полуострове и в Северной Африке. II век был временем, когда стороны как бы застыли в динамическом равновесии. А затем, начиная с III в., положение противников коренным образом изменилось. Прежний агрессор вынужден был отступить от своих укрепленных рубежей, а прежний объект агрессии стал интенсивно вторгаться на его территорию.

Такое положение дел было чревато для Римской империи неизбежной гибелью, прежде всего гибелью того общественного строя, на котором она держалась. Еще Рим сопротивлялся, еще с боем отгонял «варваров», еще в ряде областей удерживал свои рубежи, а катастрофа была уже близка.

Действительно, поскольку агрессия остановилась, резервуар, из которого до сих пор черпали неиссякаемый поток рабов, оказался закрытым. В каждом хозяйстве рабов становилось меньше. Рабовладельческий способ производства все более показывал свою экстенсивность, непроизводительность.

Еще недавно процветавшая латифундия теперь производила гораздо меньше продукта и вступила в полосу оскудения. Это неизбежно привело к сокращению, а затем и к ликвидации товарно-денежных отношений.

Нарушилась связь поместья с городом. Владельцы поместий перестали покупать ремесленные товары, производимые в городе. Ремесленные коллегии стали распадаться, а ремесленники начали разбегаться из городов.

Сокращение, а затем и ликвидация товарно-денежных отношений приводили к исчезновению денег как средства обращения. Кипучая жизнь империи стала замирать. Запустели римские дороги. Ослабевали политико-административные связи, отрывая провинции от центра. Приходила в упадок культура, некогда могучая и блистательная Римская империя погружалась в мрачную пучину безысходного кризиса.

Появление зачатков феодализма. В этих условиях в недрах обреченного, гибнущего рабовладельческого строя начали возникать и развиваться элементы нового, феодального способа производства.

Первым и наиболее важным из элементов стало господство натурального хозяйства. Экономическое свертывание латифундии, падение города как ремесленного и торгового центра, ликвидация товарного хозяйства и исчезновение денег — все это приводило к натурально-хозяйственным отношениям, причем в их наиболее ярко выраженной форме. Центром всей общественной жизни страны стало натурально-замкнутое поместье, слабо связанное с остальным миром.

Параллельно этому шел процесс зарождения феодально-крепостнических отношений в поместье. Осознавая угрозу неизбежного краха, владелец латифундии стремился перестроить свое хозяйство, ослабить тиски давящей его экономической петли.

Не имея возможности получать новых рабов, помещик, разумеется, заинтересован в сохранении старых, которых нужно было не только уберечь от слишком быстрого вымирания. Малочисленных рабов нужно было заинтересовать в труде. Этого можно было достигнуть, лишь наделив их орудиями и средствами производства, в первую очередь землей.

И помещик отказывается от прежней плантационной системы. Он делит землю своей латифундии на мелкие участки — парцеллы; на каждую он сажает либо раба, либо свободного мелкого арендатора из числа разорившейся городской или сельской бедноты. Первый из новых производителей называется «рабом земли», второй — «свободным колоном». Юридически между ними

существует непроходимая грань: «раб земли» остается рабом, полной собственностью своего господина, свободный колон — это человек, лично свободный, обладающий правом передвижения, могущий сменить или расторгнуть аренду и т.п. Но фактически, с хозяйственной точки зрения, оба этих производителя крайне близки друг к другу: и тот, и другой наделены мелким участком земли, и тот, и другой ведут небольшое хозяйство, и тот, и другой платят продуктами этого хозяйства, а также своим личным трудом ренту владельцу поместья.

Постепенно и юридическая грань между ними начинает стираться. В IV в. правительство издает закон о прикреплении колон к земле. Свободный колон превращается в крепостного. И раб земли, и крепостной колон являются в равной степени предшественниками крепостного крестьянина средневековья.

Наконец, в это же время складываются новые формы юридических отношений между представителями самого господствующего класса — позднеримский патронат, являющийся прототипом средневекового иммунитета.

По мере распространения натурального хозяйства нарушается политико-административная система управления Римского государства. Прежние проконсулы, пропреторы и различные чиновники бюрократического аппарата империи нарушают былую четкую связь с центром. Они стремятся осесть в тех местах, где исполняют свои должности, превратиться в помещиков и хозяев подотчетных им территорий. Прежний наместник провинции рассматривает теперь население доверенной ему территории не как подданных империи, а как своих подданных: он устанавливает свой суд, свою полицию, свою армию. Свободное население провинции превращается в его клиентов, он же становится их патроном. Так провинции и отдельные области превращаются в своеобразные государства в государстве, публично-правовые отношения переплетаются с частно-правовыми и в значительной мере заменяются ими.

Усиление классовой борьбы. Дальнейшее разрастание кризиса характеризуется резко выраженным усилением классовой борьбы. Ослабление центрального правительственного аппарата, нарушение прочных связей областей с центром, усиление гнета со стороны чиновников и помещиков, религиозные гонения — все это способствовало обострению социальных противоречий и

усилению борьбы рабов в союзе с городским и поместным плебсом. Рим знал острую классовую борьбу и в прежние времена. Но начиная с III в. эта борьба приняла особенно ожесточенный характер. Отдельные восстания рабов и колонов начинают перерастать в настоящие войны, которые охватывают подчас целые провинции. Усиление классовой борьбы, в свою очередь, содействовало разложению рабовладельческого хозяйства и дальнейшему созреванию отдельных элементов феодального уклада.

Реформы Диоклетиана—Константина как неудавшаяся попытка преодоления кризиса. Все это заставило рабовладельцев напрячь усилия для ответных мер. Стремясь выйти из кризиса, приостановить поток «варваров», стабилизировать хозяйство и разгромить широкие народные массы, помещики-рабовладельцы пошли по пути предельной концентрации государственной власти. С конца III в. в империи установился новый политический режим — доминат, означавший открытую военную рабовладельческую диктатуру. Крупнейшими представителями домината были императоры Диоклетиан (284—305) и Константин (306—337).

Стремясь разрешить стоявшие перед ними внутренние и внешние задачи, доминат провел ряд реформ и установил политику жестоких антинародных репрессий.

Прежде всего доминат обратил внимание на натуральное хозяйство. Стремясь поломать его, Диоклетиан пытался провести денежную реформу (введение деревянных денег), но это не дало ожидаемого результата. Пришлось приспособлять государство к сложившимся экономическим условиям. Согласно новой податной реформе, все налоги с населения империи отныне взимались не деньгами, а натурой. Продуктами выплачивалось также жалованье чиновникам и солдатам. Так, не будучи в силах бороться с новым экономическим режимом, правительство санкционировало его, и само приспособилось к нему.

Проведение податной реформы было чревато рядом серьезных последствий. В целях облегчения взимания налогов на территории всей империи правительство стремилось закрепить свободное население страны на местах его жительства. Ремесленников стали прикреплять к коллегиям, куриалов — к куриям, колонов — к земле. Это приводило к еще большему ухудшению экономического и правового положения трудящихся масс, еще больше восстанавливая их против ненавистного государства рабовладельцев.

В целях наступления на «варваров» и подавления народных восстаний доминат провел реформу армии. Состав армии был увеличен в четыре раза. Были созданы специальные привилегированные части для охраны правительства и выполнения функций внутреннего подавления. Им в помощь на вербовали отряды шпионов и тайной полиции. Новые легионы были сформированы для защиты границ.

Однако эта реформа не оправдала возлагаемых на нее надежд. Привилегированные части вскоре стали посягать на высшую государственную власть и по своему произволу смещать и назначать императоров. Новые легионы, несмотря на свою численность, не могли противостоять объединившимся силам «варваров» и рабов.

Стремясь преодолеть патронатную систему и укрепить политическую централизацию страны, доминат провел административную реформу. Был обновлен высший государственный аппарат. Было установлено новое административное деление империи. В основу его легло строго иерархическое соподчинение властей при взаимоконтроле чиновников различных рангов.

Но и эта реформа не привела к цели. Новое административное деление не смогло уничтожить старых порядков, новые чиновники, подобно прежним, стремились укрепиться в контролируемых ими областях и завязать патронатные отношения с населением этих областей. Центробежные силы, действовавшие в империи, непрерывно возрастали. И вот уже при Диоклетиане империя начинает распадаться на отдельные части. Эдикт 395 г. окончательно санкционировал наличие двух империй — Западной и Восточной (Византии); каждая из них пошла своим историческим путем.

Не дала ощутимых результатов и попытка домината опереться на новую церковь.

Среди многочисленных религиозных сект, распространенных на территории империи, особое значение имело христианство. Сначала секта христиан пополнялась за счет обездоленных и угнетенных, рабов и колонов, городской бедноты. В то время христиане подвергались жестоким преследованиям со стороны правительства. Однако вскоре представители домината сумели взглянуть в новой религии целый ряд черт, которые выгодно отличали ее от господствующего язычества. Христианство признавало одного бога, подобно тому, как один император существовал в Римском государстве. Христианство проповедовало смирение

верующих и непротивление их государственной власти. Наконец, христианство было космополитично и универсально, подобно тому, как космополитичной и универсальной была сама империя. Следовало лишь его немного подправить, подчистить, подчинить иерархической системе, и оно могло стать официальной религией, которая гораздо лучше, чем язычество, могла осуществить задачи, стоявшие перед доминатом. Это и сделал император Константин, сначала объявивший христианство дозволенной религией (313 г.), а затем и религией государственной.

Однако христианство не могло спасти господства крупных рабовладельцев, как не спасли их и другие реформы домината. Против официального христианства выступило множество новых сект, объединявших отныне борющиеся массы. Кроме того, будущее показало, что универсализм христианства сыграл не только положительную, но и отрицательную роль для императорского Рима: новая религия сумела столь же хорошо обслуживать феодалов, как прежде обслуживала рабовладельцев.

В целом следует заметить, что попытки домината выйти из кризиса за счет реформы не привели к успеху. Окончательная катастрофа была лишь отсрочена, но не устранена. Усиление бюрократического и военного аппарата империи носило временный и непрочный характер, оно привело не к уничтожению борьбы «варваров» и широких народных масс с рабовладельцами, а лишь к изменению форм этой борьбы и, в конечном итоге, к ее интенсификации.

Реформами Диоклетиана—Константина не были вытеснены элементы феодализма, развивавшиеся в рабовладельческом обществе. Доминат оказался вынужденным примириться с этим явлением и приспособиться к нему. Феодальный уклад продолжал созреть и складываться.

«Варварские» завоевания IV—V вв. Однако для того чтобы этот уклад окончательно окреп и превратился в общественную формацию, был необходим сильный толчок, рывок, который перевел бы определенные количественные изменения в новое качество. Такой толчок дали «варварские» завоевания.

Под «варварскими» завоеваниями наша наука понимает сложный общественный процесс, революционный по своему содержанию, состоящий из двух категорий явлений:

- 1) вторжения «варваров» извне империи;

2) движения рабов и колонов внутри империи.

Обе эти категории находились в неразрывной связи, составляя разные стороны единого целого.

Без «варварского» вторжения восстания народных масс внутри империи не могли бы увенчаться победой.

Без поддержки рабов и колонов «варвары» не смогли бы так быстро окончательно завоевать территорию Западной Римской империи.

Рабы и колоны, бывшие вчера «варварами», смотрели на завоевателей как на братьев и избавителей от ярма тяжелой неволи.

«Варвары», ясно представляя, что в случае победы Рима, они превратились бы в рабов и колонов, считали и тех и других своими естественными союзниками, призывали их поддержать вторжение и опирались на них в своем победном марше по территории империи.

Только органическое сочетание этих двух грозных и могучих сил привело к окончательным и бесповоротным результатам.

Основной причиной активизации «варваров» и их вторжений было, как уже указывалось, начавшееся у них разложение общинно-родовых отношений, сложение «военной демократии», появление тяги к земле, к богатствам, стремление возвратить награбленное римлянами. К этому прибавился ряд более частных причин. Каждая «варварская» народность жила в окружении других племен и народностей. Вследствие этого любое передвижение любой из народностей тотчас же давало толчок другим близлежащим этническим группам. Последние, в свою очередь, приводили в движение своих соседей. Так, после первых толчков, данных передвижениями готов и гуннов, в течение сравнительно небольшого срока поднялась вся «варварская» периферия. Этот процесс называли даже Великим переселением народов. При первых известиях о вторжении «варваров» поднялись многомиллионные массы рабов и колонов.

Одряхлевшее рабовладельческое общество, подточенное ростом феодальных отношений, ослабленное многовековой классово-вой борьбой, даже напрягая все силы, не могло противостоять мощному комбинированному движению.

Первое крупное вторжение на территорию империи (вторжение вестготов) произошло в 376 г.

В 410 г. вестготы взяли, хотя и не надолго, «вечный город» Рим, столицу Западной империи.

В 419 г. возникло первое из «варварских» королевств на территории империи — королевство вестготов.

В 439 г. таких королевств было уже три (вестготов, вандалов и бургундов).

В 455 г. «варвары» (вандалы) снова взяли Рим и подвергли его страшному разгрому и разграблению.

В 476 г. Западная Римская империя была формально отменена.

В конце V в. завершилось завоевание последних областей Западной Римской империи остготами, франками и англосаксами.

Так прекратила существование некогда могучая и единая рабовладельческая Римская империя. Из ее восточной части образовалась новая империя — Византия, которая пришла к феодализму своим путем. Ее западные области «варвары» в союзе с рабами и колоннами перекроили в новые раннефеодальные «варварские» королевства.

Природа варварских королевств. Рабы и колонны — видели в «варварах» естественных союзников не только потому, что те были врагами рабовладельческой империи. Рабов и колонов привлекало отсутствие у «варваров» беспощадной эксплуатации, которая была присуща рабовладельческому строю, а также отсутствие государства с его тяжелыми налогами и повинностями. Помогая «варварам» разгромить Западную Римскую империю, рабы и колонны надеялись получить свободу и землю. Однако расчет их не оправдался. Ни земли, ни свободы они не получили.

В ходе завоевания и освоения римских территорий «варвары» существенно изменили свой общественный строй. Неся дряхлому Риму свой молодой родовой строй, они, в свою очередь, подверглись влиянию римского классового рабовладельческого общества. В результате дальнейшего взаимопроникновения «варварских» и римских социально-экономических условий окончательно завершился тот общественный синтез, который дал миру феодальный строй.

В процессе завоевания ход социального расслоения у «варваров» значительно ускорился. Появилась королевская власть. Резко выросло значение военной знати и упрочилось ее положение. В руках ее сосредоточилось большое количество земель, захваченных у римских помещиков. С течением времени прежние римские помещики стали родниться с королями и представителями военной знати, образуя единую прослойку крупных земельных магнатов.

Прежние рабы и колоны, все более сливаясь в единую массу крепостных людей, теперь обрабатывали земли магнатов, сменив старых господ на новых.

Но наряду с ними, в «варварских» королевствах были и свободные производители. К ним относилась вся многотысячная масса рядовых свободных общинников, «варваров», которые в качестве простых воинов пришли вместе с дружинниками и вождами на римскую территорию. Эти люди получили мелкие земельные наделы и, сохранив общинное устройство, оказались на положении свободных крестьян. Земельные наделы их были настолько невелики, что им не требовалась дополнительная рабочая сила для их обработки.

Так, в каждом из «варварских» государств сложились три социальных слоя:

1. землевладельческая знать — магнаты;
2. рядовые свободные общинники — крестьяне;
3. бывшие рабы и колоны, теперь обрабатывавшие земли магнатов.

Первая из этих прослоек в дальнейшем консолидировалась в класс феодалов, третья — в класс крепостных крестьян. Что же касается промежуточной прослойки — свободных крестьян, то она в ходе последующей борьбы непрерывно расслаивалась. Меньшая ее часть, сумев закрепить за собой свою землю, слилась с классом феодалов, став низшим его слоем (рыцарями); большая же часть, потеряв землю и свободу, превратилась, подобно бывшим рабам и колонам, в крепостных крестьян.

Процесс превращения трех социальных слоев «варварского» государства в два антагонистических класса феодального общества носит название процесса феодализации. Этот процесс затянулся на несколько веков. Лучше всего он прослеживается на примере истории государства франков.

1.2. Развитие феодальных отношений в VI—X вв.

Большинство «варварских» королевств оказалось недолговечными. Лишь государство франков, возникнув во второй пол. V в., просуществовало до середины IX в., причем в ходе своего роста и

развития оно поглотило территории ряда других «варварских» государств.

Франкское общество во второй половине V — начале VI вв. Образование Франкского государства и начало франкских завоеваний связано с именем короля Хлодвига (481—511) — крупнейшего представителя династии Меровингов. В годы Хлодвига был составлен франкский судебник — «Салическая правда» — основной источник, помогающий нам уяснить экономику и социальную структуру франкского общества конца V — начала VI вв.

Придя на территорию римской Галлии как завоеватели, франки к концу V в. отказались от полукочевого образа жизни, характерного для их предков. Главной отраслью их хозяйства стало земледелие, хотя скотоводство по-прежнему играло важную роль, причем скот выполнял основную функцию денег. У франков установились новые земельные порядки, отличные от того, который наблюдался в «варварском» обществе II—III вв. Земля начала переходить в частную собственность. Вся пахотная земля была поделена на участки, которые получили название аллодов. Вожаки, короли и дружинники захватили крупные аллоды, которые обрабатывались руками бывших рабов и колонов. Рядовым воинам-франкам раздали мелкие аллоды, которые те обрабатывали своими силами. Все угодья — луга, леса, пастбища — остались неразделенными, составив коллективную собственность всей общины.

Разница в величине и режиме аллодов является ярким показателем той социальной дифференциации, которая развивалась у франков уже в V—VI вв. Вожди и дружинники превращались в крупных земельных магнатов, эксплуатировавших труд зависимых людей. Закон охранял их жизнь, наделяя их рядом привилегий по сравнению с рядовыми членами общины.

Особенно большое значение получила королевская власть. Король был не только самым крупным землевладельцем, но и деспотическим неограниченным правителем. Он опирался на поддержку магнатов-дружинников и пользовался покровительством со стороны католической церкви, которую щедро одарял землями и сокровищами. Старые демократические свободы, характерные для родового строя «варваров», отошли в область предания: вместе с социальным равенством исчезло и народное

собрание, замененное ежегодным смотром войска, на котором король объявлял законы и творил расправу.

Рост крупного землевладения и начало закрепощения общинников. После смерти Хлодвига начались ожесточенные распри между его сыновьями, а затем и внуками. В течение VI—VII вв. франкское государство подвергалось неоднократным разделам и переделам. В ходе этих междоусобных войн выросло и окрепло сословие земельных магнатов. Используя династическую борьбу, магнаты стремились захватить новые земли, округлить и расширить свои владения. Параллельно этому начинался многовековой процесс разорения и обезземеливания рядовых членов франкской общины. Магнаты захватывали их аллоды, а их самих превращали в зависимых от себя людей.

Развитие феодальных отношений при Каролингах. Особенно быстро происходил настоящий «переворот в поземельных отношениях». Феодализация Франкского общества стала развиваться в VIII—IX вв., к этому времени главную роль во франкском государстве начала играть крупная магнатская фамилия Каролингов. Стремясь к власти, Каролинги спешили создать себе прочную социальную опору и сами содействовали ускорению процесса феодализации.

Карл Мартелл (715—741) — выдающийся представитель первых Каролингов — провел военную реформу, имевшую очень важное социальное значение. Постоянно воюя со своими соседями, Карл убедился в негодности старого франкского ополчения. Рядовые члены этого ополчения — свободные франки — нищали и теряли свою независимость. Те из них, которые были еще свободны, не хотели идти на войну, дабы не расстраивать окончательно свое хозяйство. Чтобы создать новую армию, необходимо было установить принцип материальной заинтересованности воинов. И Карл Мартелл пошел по этому пути. Он создал категорию воинов-профессионалов, служилых людей. Отобрав определенную прослойку рядовых свободных франков, он предложил им регулярную военную службу, которая должна была компенсироваться особым земельным наделом — бенефицием. Бенефиций, в отличие от аллода, был условной земельной собственностью. Он давался при условии исправного несения военной службы. В случае нерадивости воина (бенефициария) или его смерти бенефиций

отбирался и поступал обратно в государственные земельные фонды. Владение бенефицием давало воину улучшить свое материальное положение, спастись от разорения и иметь средства для покупки боевого коня и оружия.

Вместе с тем бенефициальная реформа значительно ускорила процесс феодализации. Бенефициарии получали наделы, населенные зависимыми крепостными людьми. Таким образом, тот, кто получил надел, становился владельцем не только земли, но и людей, т.е. мелким помещиком. Напротив, свободные франки, не получившие бенефициев, скорее разорялись. Не имея поддержки, теснимые своими могущественными соседями, разоряемые бесконечными войнами, они теряли и землю, и свободу. В результате этой реформы социальное расслоение свободных франков пошло более быстрым темпом, чем прежде.

Особенно этот процесс усилился при внуке Карла Мартелла — Карле, прозванном Великим (768—814). Карл Великий был королем, а впоследствии (с 800 г.) даже императором франков. Он вел постоянные захватнические войны. При нем были завоеваны Саксония и Бавария, Северная Испания и Италия, Бретань и земли по среднему Дунаю. Государство франков по сравнению с тем, каким оно было при Хлодвиге, увеличилось почти втрое. Чтобы усилить свой авторитет на столь огромной территории, Карл с помощью римского папы принял императорский титул, стремясь показать этим, что он как бы восстанавливает прежнюю Римскую империю на Западе.

Агрессивные войны были основой политики Карла Великого. Эти войны он вел прежде всего с целью увеличения количества бенефициариев, которые были его основной социальной опорой. Захватывая новые территории, Карл мог наделить бенефициями новые контингенты служилых людей. Вместе с тем, чем больше у него было служилых людей, тем значительнее он мог увеличивать свои завоевания. Важно также отметить, что франкское завоевание ускоряло процесс феодализации в тех областях, которые были объектом завоевания: под влиянием франкских социальных порядков родовой строй у тех племен и народностей, к которым вторгались франки, быстрее разлагался, уступая место феодализму.

Войны Карла Великого обогащали бенефициариев и магнатов, которые, сближаясь, превращались в единый класс феодалов.

Простым людям, не вошедшим в состав бенефициариев, эти войны несли неисчислимые бедствия. Общинников разоряли увеличивающееся бремя налогов, военные постой, пожары и грабежи, сопровождавшие войны. Их донимали притязания магнатов и церкви, становившейся крупным землевладельцем. Те из мелких крестьян, кто уцелел в предшествующий период, неизбежно теряли землю и свободу при Карле Великом и его ближайших преемниках.

Прекарные отношения. Среди различных приемов, с помощью которых магнаты похищали землю и свободу общинников, первое место занимают прекарные отношения, широко распространившиеся во франкском государстве в VIII—IX в. Сущность их сводится к следующему. Свободный крестьянин, в силу тех или иных обстоятельств (неурожай, военная разруха и т.п.), не мог поднять свое хозяйство — засеять поле или снять урожай. Он обращался за помощью к крупному землевладельцу (чаще всего — к церкви). Между крестьянином и магнатом заключался договор, скрепленный прекарной грамотой. Согласно договору, магнат оказывал крестьянину необходимую помощь: давал семена, инвентарь, рабочий скот и т.п., иногда даже прирезал земли. Но за это участок крестьянина переставал быть аллодом, т.е. безусловной собственностью владельца, а становился прекарием — одной из форм условной собственности. Статус прекария таков, что после смерти данного владельца семья покойного не имеет права наследовать этот участок. Прекарий со всем, что в нем было заключено, полностью переходил к магнату, с которым была составлена сделка. Таким образом, в результате реализации прекарного договора, сам крестьянин-прекарист получал облегчение своего тяжелого положения, но зато его потомство полностью теряло земельную собственность и все права на нее.

Так в течение нескольких десятилетий земля перемещалась из рук крестьян в руки магнатов, и в результате огромное количество семейств свободных общинников перешло в разряд неимущих.

Но этим дело не ограничивалось. Крестьянин, потерявший землю, не мог сохранить и свободу. В период раздельного господства натурального хозяйства, при отсутствии городов, куда можно было бы уйти в поисках заработка, человек, лишенный земли, не имел средств к существованию. Семья прекариста, потерявшая родовой аллод, была вынуждена обратиться к магнату-

захватчику с просьбой, чтобы ей оставили землю. Магнат удовлетворял эту просьбу при условии, что крестьяне, получившие землю, должны письменно признать себя его крепостными людьми. За прекарной грамотой неизбежно следовала кабальная грамота. Потеря земли неизбежно вела к потере свободы.

В результате всех этих процессов в IX—X вв. франкское общество окончательно распалось на два класса: класс производителей, крепостных крестьян, и класс эксплуататоров, феодалов.

Крепостные крестьяне. Теперь потомки рабов и колонов и потомки сводных общинников («варваров») уже ничем не отличались друг от друга. Они были наделены землей, но не являлись ее собственниками. Будучи связаны со своими господами узами внеэкономического принуждения, они выполняли ряд характерных повинностей, которые и юридически, и фактически знаменовали их принадлежность к крепостному состоянию. Главными из этих повинностей были следующие:

1) подушная подать уплачивалась ежегодно или несколько раз в год; она, как правило, была невелика и символизировала крепостное состояние, ибо свободные крестьяне ее не платили;

2) барщина — самая тяжелая из крепостных повинностей; крепостной обязан был определенное число дней в году работать на господской земле; барщина могла быть различной в зависимости от характера господского хозяйства и иных условий;

3) шампар, или натуральный оброк, — уплата натурой, отчисление помещику определенной части урожая, собранного с надельной земли крестьянина; шампар уплачивался зерном, овощами, фруктами и т.п., в зависимости от характера хозяйства крестьянина;

4) десятина — отчисление крестьянином в пользу церкви десятой части урожая, собранного с надельной земли;

5) монополии, или баналитеты, — оплата крестьянином особых хозяйственных функций, которые по феодальному праву могли быть произведены только с помощью инвентаря помещика (помол зерна, обработка винограда и т.п.);

6) брачное — особая подать, которую крестьянин уплачивал помещику при вступлении в брак. В некоторых случаях, особенно на заре средневековья, эта крепостная повинность овеществлялась через позорное «право первой ночи»;

7) право «мертвой руки» — уплата налога за передачу крестьянского имущества по наследству; по феодальным законам, «рука крепостного мертва», т.е. он не мог ничего отдать или завещать без воли своего господина.

8) произвольная талья — самая ненавистная из крепостных повинностей, ибо она не была ограничена; помещик имел право сгонять крепостных на любое количество дней и часов в случае ремонта замка, постройки моста, извоза в другую местность и т.п.

Таковы были основные категории феодальных повинностей, падавших на крестьянина. Разумеется, они варьировались, не все складывались одновременно, не во всех местах выполнялись все в совокупности. Характерно, однако, что если крестьянин выполнял хоть часть из них, то это являлось показателем его крепостного состояния, ибо свободные люди эти повинности (за исключением церковной десятины) не несли.

Положение крепостных крестьян ухудшалось по мере завершения процесса феодализации, дальнейшего развития феодальных отношений. Чем тяжелее становилось крестьянам, тем быстрее зрело их сопротивление угнетателям. В период раннего средневековья крестьяне повсюду борются со своими эксплуататорами, сопротивляясь закрепощению, уходя целыми деревнями в поисках мест поселения, свободных от феодальной неволи. Вспыхивают иногда и отдельные восстания, которые слабо организованы, беспомощны, стихийны. Как правило, они весьма быстро подавлялись силами господствующего класса.

Формирование класса феодалов. Этот класс также полностью сформировался в ходе VIII—X вв. Он складывался из бывших дружинников и вождей, превратившихся в земельных магнатов, потомков прежних рабовладельцев, и, наконец, бенифициариев, вырвавшихся благодаря реформе Карла Мартелла, из рядов свободных общинников. Формированию класса феодалов содействовало установление ряда специфических институтов средневекового общества, вышедших из недр утверждающего феодального строя. Главными из этих институтов были феодальное землевладение, вассальная зависимость и иммунитет.

Феодальное землевладение. Феодальное землевладение — это основа могущества господствующего класса средневекового общества. Феодальная земельная собственность вырастает из бенефиция.

Бенефиций выделяет служилых людей (рыцарей) из числа членов старой франкской общины. В течение VIII—IX вв. слой бенефициариев резко растет. Бенефиции стремятся получить не только воины, но и магнаты. Бенефиции приобретают разную форму, разный вид, различные размеры. Их владельцы стремятся к тому, чтобы закрепить их за собой, за своим родом, добиться их передачи вместе с крестьянами, которые их населяют, по наследству. Как только это удастся достигнуть, как только бенефиций закрепляется по наследству, он перестает быть бенефицием и превращается в феодал — основную форму феодальной земельной собственности. Итак, феодал — это земля с крестьянами, которую феодал держит от другого феодала и которую он передает по наследству в своем роде. Феодалы могли быть самыми различными. Это могло быть мелкое владение рыцаря (рыцарское держание, лен), или группа владений, принадлежавших одному лицу (барония), или же, наконец, целое феодальное полугосударство, зависимое от другого, главного государства (герцогство, княжество, маркизат). Феодалы держали и светские, и духовные феодалы.

Вассалитет и феодальная иерархия. Взаимоотношения, которые складывались между отдельными феодалами, группами феодалов, в ходе развития феодальной земельной собственности получили название вассальных отношений или вассалитета.

Если имеется феодал, то должно быть, по крайней мере, два лица, соединенных особыми узами; одно из них — тот, кто дает феодал, другое — тот, кто его получает. Лицо, дающее феодал, называется сеньором, лицо, его получающее, — вассалом. Между сеньором и вассалом существует ряд взаимных обязательств. Вассал обязан в пользу сеньора рядом «благородных» служб, в первую очередь военной службой. Сеньор обязан заботиться о своем вассале и охранять его феодал от претензий других феодалов. Если вассал пренебрегал своими обязанностями, то сеньор мог лишиться его феодала.

Сначала вассалитет носил случайный, неупорядоченный характер. В IX—X вв. вассальные отношения стали складываться в единую систему. Повсюду в Европе внутри господствующего класса образовалась так называемая феодальная иерархия, или пирамида. Во главе этой пирамиды стоял верховный сеньор, или сюзерен, — король, император. Ниже располагались его непосредственные

вассалы — крупные титулованные феодалы. Еще ниже стояли вассалы этих вассалов — феодалы рангом и титулом поменьше. И так эта пирамида спускалась до своего последнего этажа, на котором располагались рыцари, самые мелкие феодалы, которые, будучи вассалами других лиц, своих вассалов уже не имели.

Эта пирамида имела свои законы. Главным из них был закон о соподчиненности вассалов, согласно которому сеньор мог требовать повиновения только от своих непосредственных вассалов. «Вассал моего вассала не есть мой вассал» — так формулировалось это правило. Подобная система связывала руки верховному сеньору — королю, власть которого вследствие этого в феодальнораздробленных государствах была неизменно слабой.

Иммунитет. С феодальной собственностью и вассалитетом был тесно связан иммунитет — особое право, вырванное крупными феодалами у короля, согласно которому сеньор-иммунист освобождался от въезда на территорию своих владений любого государственного чиновника. Функции этого чиновника — сбор денежных средств, судопроизводство, формирование вооруженных сил — перекладывались на иммуниста, который, таким образом, узурпировал в свою пользу определенную долю общегосударственной власти. Постепенно крупные сеньоры-иммунисты, владельцы огромных титулованных территорий, стали превращаться в самостоятельных государей, почти независимых от центральной власти.

Все эти феодальные институты, непрерывно развиваясь в ходе VIII—IX вв., в X—XI вв. должны были неизбежно привести к феодальной раздробленности, к распаду общества на бесчисленное количество крупных и мелких феодальных сеньорий, каждая из которых жила своей изолированной жизнью, центральной ячейкой каждой из них было феодальное натурально-замкнутое поместье.

Феодальное поместье. Действительно, поместье было основным звеном раннесредневекового общества. В пределах поместья два антагонистических класса феодального мира непрерывно формировались, соприкасались и боролись. Здесь овеществлялся феодальный способ производства. Здесь, наконец, постепенно зарождались и складывались те условия, которые привели к первым трещинам в толще натурального хозяйства и к созданию новой производственной ячейки — средневекового города.

Поместье каролингской эпохи было замкнутым мирком, слабо связанным с остальным миром. Два ряда стен отгораживали его от соседних территорий. Одна стена шла вдоль границ поместья, другая — вдоль границ хозяйской усадьбы, бывшей центром поместья. Усадьба, состоявшая из замка, служебных построек и приусадебной земли, была местом, где жили сеньор, его семья, его свита. Под стенами замка располагались деревня, дома крестьян, затем шла пахотная земля, наконец, угодья, примыкавшие к границам поместья. Вся пахотная земля распадалась на две части: господскую, продукты с которой шли на потребу феодала, и надельную, которая была условным владением крестьян. Особое место занимала земля, принадлежавшая церкви. Господская, надельная и церковная земли шли чередующимися участками — полосами, что ставило поместье в условия принудительного севооборота. Надельная земля, в свою очередь, распадалась на неравные участки, каждый из которых держала одна крестьянская семья. Эти участки назывались мансами или гуфами. По старой памяти мансы делились на рабские, полурабские и свободные, но к IX в. это деление потеряло реальный смысл. С каждого манса в зависимости от его величины шли повинности натурой, определенной частью урожая, собранного крестьянином. Господская земля обрабатывалась исключительно за счет барщины. Угодья, как и в предыдущий период, оставались неразделенными: ими совместно пользовались и феодал, и крестьяне. В поместье осуществлялись все хозяйственные функции, необходимые для его жизни и развития. Крестьяне были также и ремесленниками, производившими одежду, инвентарь, оружие для феодала и т.п. Таким образом, натурально-замкнутое поместье каролингской эпохи было в той же мере обособленной экономической единицей общества, как и сеньория — его политической основой.

Распад каролингской империи. В условиях развития феодальных отношений каролингская империя не могла сохранить своего единства. Созданная из «лоскутьев» путем завоевания, она не имела ни внутреннего этнического единства, ни общей экономической базы: каждая из территорий, населенных определенными племенными группами, жила своей внутренней жизнью и без постоянного военного и административного принуждения не хотела подчиняться власти завоевателя. Но примитивные правительственные

средства не отвечали сложности внутренней обстановки империи. С течением времени феодализировался административный аппарат государства: чиновники на местах узурпировали свои должности, стремясь захватить в свои руки земли и людей, которые были вверены под их контроль. Ослабевала армия: бенефициарии все больше превращались в феодалов, стремились попрочнее осесть на ранее захваченных землях и установить непосредственные вассальные отношения с крупными титулованными феодалами-иммунистами, минуя центральную власть. В этих условиях непрочные внешние связи, соединявшие отдельные части империи, должны были разорваться. Они и разорвались окончательно два с лишним десятилетия спустя после смерти завоевателя.

Потрясенная многолетними междоусобными войнами внуков Карла Великого против его сына и наследника, в 843 г. империя была разделена на три большие части. В ходе последующих разделов и переделов второй половины IX в. из этих трех частей сформировались три новых феодальных государства: Франция, Германия и Италия.

«Варварский» период в жизни Европы окончился. Новые народности и государства начинали свой путь на арене истории.

Политическая карта Европы в X—XI вв. К этому времени повсюду в Европе складываются феодальные государства. На севере консолидируются и создают первые государственные образования три ветви скандинавских народов: шведы, норвежцы и датчане.

На территории бывшей римской провинции Британии из разрозненных государств англосаксов складывается королевство Англия.

На территории Пиренейского полуострова возникает мусульманский Кордовский эмират, превращающийся затем в халифат; к северу от халифата образуются зачатки будущей христианской Испании: Наварра, Арагон и Кастилия.

Кочевники-мадьяры, появившиеся в IX в. на среднем Дунае, создают на грани X и XI вв. венгерское государство. К юго-востоку от славян и венгров развивается феодальная Византия, последний остаток рабовладельческой Римской империи.

Все эти новые организмы феодальной Европы живут тем же общественным строем, что и государства, образовавшиеся на

развалинах каролингской империи. Все они к концу рассматриваемого периода завершают свой путь генезиса феодализма и подходят к эпохе развитых феодальных отношений.

Таким образом, период становления феодализма занимает важное место в истории средневековой Европы. Это переходный период, время коренной ломки старого и утверждения нового. Разгром и уничтожение отжившего рабовладельческого общества ознаменовались серьезными потрясениями всех прежних жизненных основ.

«Варвары» и рабы, разрушая ненавистный им общественный строй, сокрушали и отдельные атрибуты этого строя: громили виллы и города, уничтожали памятники культуры, приводили в запустение римские дороги. На заре средневековья замерла торговля, пришла в упадок культура, исчезли школы и грамотность. В VI в. уже было трудно найти человека, который бы умел читать и писать. Попытки Карла Великого поднять образованность в среде господствующего класса увенчались лишь частичным успехом. Западная Европа на много столетий погрузилась во мрак духовного одичания, искусно поддерживаемого католической церковью.

Несмотря на это, генезис феодализма был большим шагом вперед в общем развитии человечества. Был уничтожен рабовладельческий строй, наложивший оковы на производительные силы общества. Движения рабов и колонов, «варварские» завоевания, опиравшиеся на них, вывели Западную Европу из полосы затяжного экономического и социального кризиса. Несколько ослабела эксплуатация трудящихся масс. Появилась инициатива, заинтересованность в труде со стороны непосредственного производителя. Все это дало мощный толчок дальнейшему развитию общества. Открылась возможность роста производительных сил. Создались предпосылки к сложению новой экономики и культуры, которые с течением времени намного превзошли разрушенные экономику и культуру старого рабовладельческого общества.

Таким образом, период становления феодализма открывал широкую дорогу дальнейшему экономическому, социальному и культурному развитию народов Европы — в этом его историческое значение.

Часть II

РАЗВИТОЙ ФЕОДАЛИЗМ

Период развитого феодализма занимает центральное место в истории средних веков. Он приходится на время с конца XI в. до конца XV в. В течение этого периода феодальный строй достигает своих наиболее зрелых форм. Однако натуральное хозяйство теперь господствует уже не безраздельно. Наряду с ним существует и развивается товарное хозяйство, несущее товарно-денежные отношения, которые в конечном итоге подтачивают феодальную формацию.

Классовая борьба в течение XII—XV вв. поднимается на более высокий уровень. Отдельные стихийные бунты прежних времен сменяются более организованными восстаниями, которые иногда перерастают в подлинные крестьянские войны. Крестьянские восстания содействуют ослаблению крепостного права, расшатывают основы феодализма. Феодальное государство, возникшее в предшествующий период, теперь укрепляется и переходит из феодально-раздробленной стадии в стадию феодально-централизованную. В ряде случаев при этом оно становится национальным государством. К концу периода складываются условия для зарождения в недрах феодального строя зачатков капиталистического способа производства.

Таковы главные, определяющие факторы всего периода в целом. Для ясного представления о развитом феодализме рассмотрим эти факторы.

2.1. Средневековый город. Развитие ремесла и торговли

Подъем производительных сил к началу XII в. Как медленно ни развивались производительные силы в период раннего средневековья, они все же достигли к началу XII в. определенного подъема. В разных районах Европы значительно повысилась урожайность в сельском хозяйстве. Совершенствовались орудия труда, лучше удобрялась и обрабатывалась почва, тщательнее

производилась уборка урожая. В результате этого во многих поместьях стали образовываться излишки продуктов, которые можно было сбыть вне пределов поместья.

Одновременно с этим увеличился спрос на предметы ремесла. Расчистка огромных площадей лесов и болот, проводившаяся в это время, строительство укреплений, дорог, мостов — все это требовало значительного количества орудий труда. Кроме того, крестьянин, получавший больший, чем прежде, урожай с надела, стремился приобрести различные ремесленные изделия для улучшения своего быта. Но ремесленник в условиях натурально-замкнутого поместья не мог расширить производство: он был связан крепостной неволей с помещиком, оставаясь крестьянином, по преимуществу выполнявшим барщину и другие повинности, он не мог торговать предметами своего ремесла. Между тем, развивающиеся производительные силы и связанное с ними повышение спроса на изделия ремесла требовали, чтобы ремесленник был оторван от крестьянских работ и повинностей. Создавались условия, приводившие к неизбежности отделения ремесла от сельского хозяйства.

Происхождение средневековых городов. Это был длительный процесс, происходивший в разных государствах Европы в различное время, по преимуществу в XI—XII вв. На ускорение этого процесса оказывали влияние различные факторы, в том числе политические (например, крестовые походы). Сущность его заключалась в следующем.

Крестьянин-ремесленник, все более и более дифференцируя разные виды своих работ, стремился полностью отойти от обработки земли и заниматься только ремеслом. Но распорядки крепостнического поместья не давали ему возможности этого сделать. Следовательно, для крестьянина-ремесленника оставался один выход: уйти из поместья. Только в этом случае он полностью высвобождал свой труд из сельского хозяйства и имел возможность заняться ремеслом.

Но куда же уходили крестьяне-ремесленники? Разумеется, в такие места, где они могли наилучшим образом организовать производство и сбыт своих товаров. Такие места, как правило, находились там, где ежедневно проходило и проезжало наибольшее количество различного народа — потенциальных покупателей: на скрещении

дорог, вблизи монастырей, на территориях прежних римских городов. Здесь-то и возникали новые поселения ремесленников. Поселенцы строили мастерские, лавки, укрепляли ограду башнями и рвами для защиты от набегов непрошенных гостей. Так возникали средневековые города — новые центры ремесла и торговли. Городской житель, занятый только ремесленным трудом, расширял свое производство и получал от него несравненно больший экономический эффект, нежели прежний крестьянин-ремесленник.

Борьба городов с сеньорами. В средние века не было земли без сеньора. И город, разумеется, всегда был основан на чьей-то земле. Владелец этой земли, как правило, предъявлял горожанам ультиматум: пусть они, если хотят остаться, выполняют для него те же повинности, что и его крепостные.

Но ремесленники выполнять крепостные повинности не желали, да и не могли: это привело бы их к тому же состоянию, из которого они только что выбрались. Это приводило к длительной борьбе между городом и сеньором, в ходе которой горожане сначала предлагали сеньору выкупить свои права за деньги при условии оформления сеньором особой выкупной грамоты — хартии. Если сеньор соглашался на это — сделка происходила, договорная сумма уплачивалась, и город получал самоуправление, статус города-коммуны. В случае же отказа сеньора (а это бывало значительно чаще) горожане брались за оружие и пытались силой отвоевать свободу. Происходили маленькие «коммунальные революции». Они имели различный исход. Но даже если сеньор оказывался победителем, он становился более сговорчивым и, как правило, соглашался за деньги предоставить мятежному городу требуемые им коммунальные права.

Таким образом, в XI—XII вв. в Западной Европе уже было значительное количество городов-коммун. Их много на севере Франции и Италии. В Англии и Центральной Европе они появились позднее.

Особую категорию составляли так называемые «королевские города». К их числу принадлежали Париж, Лондон, Прага и ряд других. Эти города не были самоуправляющимися в полном смысле слова. Но они находились под особым покровительством короля (играя, как правило, роль столиц), и это покровительство избавляло их от притязаний сеньоров.

Город, получивший полное или частичное самоуправление, становился юридически обособленным мирком в феодальном государстве. Во главе его находились выборные лица: городской голова (мэр) и старшины (эшеваны, коншелы). Мэр и старшины не только управляли городом, но и являлись его доверенными лицами во всех внешних сношениях. Город имел свои вооруженные силы, свою милицию, во многих случаях — свое судопроизводство. Самоуправляемый город в политическом смысле превращался в своеобразную феодальную сеньорию.

Организация ремесленного производства. Основной ячейкой ремесленного производства в городе был цех — особая монополярная организация, объединявшая всех ремесленников данной отрасли ремесла в пределах данного города. В средневековом городе никто не мог работать вне цеха, который был не только хозяйственной, но и политической единицей. Каждый цех имел свой герб, свою форму одежды, свою военную и религиозную организацию. Вся внутренняя жизнь цеха определялась цеховым уставом или регламентом.

Устав содержит в себе положения, относящиеся и к структуре цеха, и к сфере его производства, и к порядку реализации производственных товаров. Устав точно определяет, как мастеру надлежит изготавливать товар, сколько сырья он должен потреблять, каким количеством подмастерьев и учеников он может пользоваться, сколько станков он имеет право держать. Наконец, устав предрешает качество готового товара его вид и размер, его окраску и т.п., предписывает правила, руководствуясь которыми ремесленник должен продавать «готовое изделие».

Назначение цеховых уставов состоит в том, чтобы поставить всех мастеров в равное положение. При узости средневекового рынка, при малой покупательной способности средневекового потребителя ремесленники могли обеспечить свое существование, строжайшим образом регламентируя производство и сбыт.

Характер цехового производства. Роль цеха. Таким образом, цеховое производство было простым производством, исключавшим своей структурой какую бы то ни было возможность для своего расширения. Цех оберегал производителя от разорения, от голодной смерти, но вместе с тем лишал его надежды на сколько-либо значительный заработок, отнимал стимулы к совершенствованию

орудий труда, к техническим изобретениям и нововведениям. На первых порах цеховая организация была благодеянием для ремесленников, в дальнейшем она стала для них источником оскудения. В период своего возникновения цеховая организация содействовала развитию производительных сил средневекового общества; в дальнейшем она стала для них оковами.

Иначе говоря, до какого-то момента цех играл прогрессивную роль, а затем начал превращаться в реакционное учреждение. Временем этого перелома можно считать середину XIII в.

Показательным является то, что по мере развития общества новые производительные силы не связывают свою судьбу с цехом. Они развиваются вне него и вопреки ему. В последние века феодализма цех замыкается, прекращает доступ в свою организацию новым производителям и окончательно окостеневает.

Таким образом, цех ни в коей мере не противостоял феодальному производству. Он не выходил за рамки тех производственных отношений, в недрах которых возник. Но созданное им товарное хозяйство объективно сыграло свою роль в подтачивании основ феодализма и приближении новой общественной формации.

Особенности флорентийских цехов. Лишь иногда, в качестве исключения из общего правила, зачатки капиталистического производства складывались и развивались внутри цеха. Однако в этом случае сам цех коренным образом менял свой характер, оставаясь цехом лишь по названию. Подобное положение в XIII—XIV вв. сложилось в итальянском городе-республике Флоренции.

Экономическое значение Флоренции выросло в результате ростовщической деятельности флорентийских банкиров, которые вели дела крупного масштаба, давая ссуды европейским монархам и посредничая в финансовых комбинациях папского престола. Значительный ростовщический капитал, складывавшийся в ходе проведения этих операций, уже в XIII—XIV вв. начал проникать в производство, прежде всего в шерстяное и шелковое. Флоренция стала первым в Европе очагом зарождения капиталистического способа производства.

Флорентийские цехи в XIV в. делились на отдельные категории. Старшие цехи объединяли прежде всего финансистов, ростовщиков, скупщиков и промышленников. Эти цехи представляли, по существу, союзы или корпорации, флорентийских

богачей. Во главе их находился цех скупщиков неотделанного сукна, члены которого отдавали сукно в обработку мелким зависимым мастерам, а затем продавали готовый продукт в разные страны, в том числе и на Восток.

Младшие цехи объединяли ремесленников в подлинном смысле слова. Члены младших цехов не имели самостоятельности, они находились в полной экономической зависимости от старших цехов.

Наконец, существовало большое количество внецеховых рабочих, прежде всего чесальщиков шерсти («чомпи»), которые нанимались на работу посезонно и были настоящими предками фабричного пролетариата.

Как видно из сказанного, подобная «цеховая система» не имела ничего общего с обычной организацией средневекового цеха. Она прикрывала раннее капиталистическое производство и безудержную эксплуатацию мелких производителей и рабочих.

Внутренняя торговля. Ремесло порождало торговлю. Город-производитель сделался естественным центром этой торговли. Внутренняя торговля в период развитого феодализма обслуживала прежде всего интересы широких масс потребителей. Феодалы больше тяготели к заморским товарам. Их мало интересовали примитивные изделия местных ремесленников. Так как основной покупатель предметов городского ремесла был небогат, то и размах этой торговли был весьма ограничен, обычно город обслуживал только тот округ, центром которого он был. Потребителями товаров, производимых в городе, оказывались прежде всего сами горожане, затем — более или менее состоятельные крестьяне из деревень, расположенных в данном округе, наконец, мелкое и среднее рыцарство, имевшее свои владения в пределах того же округа. За границы округа городская торговля почти не выходила.

Международная торговля. Значительно бóльшим был размах международной торговли. Международная торговля обслуживала наиболее состоятельные слои европейского населения, в первую очередь крупных феодалов и коронованных лиц. Главными партнерами у европейских государств в этой торговле были страны Востока.

В то время Восток был несравненно богаче и культурнее, чем Запад. Страны Востока имели устойчивые экономические и культурные традиции, их мастера изготавливали товары, о производстве

которых на Западе и понятия не имели: шелк и ковры, драгоценное оружие и фарфор, красители и пряности. Эти и многие другие товары имели, большой спрос при дворах европейских королей и сенсоров. Налаживанию торговли с Востоком много содействовали крестовые походы, впервые познакомившие феодалов Западной Европы с богатствами заморских стран.

Главная торговая трасса, соединявшая Запад с Востоком, шла по Средиземному морю — от Гибралтарского пролива до Константинополя и портовых городов Сирии и Палестины. На этой трассе господствовали североитальянские города-республики Венеция и Генуя. Позднее (в XIII—XIV вв.) с ними соперничали Марсель и Барселона, которые, впрочем, так и не смогли их догнать. Венеция и Генуя экономически выросли и окрепли целиком на транзитной торговле с Востоком. Они вывозили на своих кораблях заморские товары из Индии, Китая, стран Ближнего Востока, а затем втридорога продавали их на европейских рынках.

От средиземноморской трассы шел отвод в Черное и Азовское моря. Здесь венецианцы и генуэзцы соперничали с русскими купцами. Русские вывозили из Византии текстильные изделия и предметы роскоши, которые потреблялись на местах, а также шли транзитом на север.

Северная морская трасса шла через Балтийское и Северное моря, смыкаясь со средиземноморской у Гибралтара. Здесь были другие города и иные товары.

Хотя и по северной трассе шел транзит с Востока, однако здесь европейские государства в значительной мере обменивались между собой своими товарами. Из Фландрии через Брюгге на запад и восток вывозились знаменитые фламандские сукна и шерстяные ткани. Балтийское поморье торговало льном, пенькой и хлебом, Англия — сырьем шерсти, Франция — сортовым вином и оливковым маслом. Еще в IX—X вв. на этой трассе важнейшую роль играли торговые города славянского поморья: русский Новгород, польские Гданьск, Колобжег и Щецин. После захвата польского Поморья немецкими феодалами (XII—XIII вв.) здесь стал успешно складываться Ганзейский союз городов, стремившийся монополизировать торговлю севера. В качестве его главных центров выделялись Гамбург, Любек и Бремен.

Товары, бывшие объектами внешней торговли, сбывались прежде всего на ярмарках. Главными международными ярмарками считались ярмарки Шампани, функционировавшие почти круглый год. Крупные ярмарки также имелись в Чехии, Венгрии, Восточной Англии и Северной Италии.

Следует отметить, что если восточные товары в феодальной Европе пользовались колоссальным спросом, то Восток покупал у европейских купцов сравнительно немного, главным образом некоторые виды сырья и рабов. Постоянное и резкое преобладание ввоза над вывозом было чревато для европейских государств непрерывным отливом золота и серебра. Вследствие этого в период XII—XV вв. деньги в Европе непрерывно дорожали.

Товарное хозяйство и изменение социальной структуры общества

Социальный состав населения средневекового города. Классовая борьба. Появление городов, развитие товарного производства и товарно-денежных отношений должны были повлиять на всю социальную структуру феодального общества. Наряду с феодалами и крестьянами была уже и новая категория населения — горожане.

Жители города не были, подобно феодалам или крепостным, общественным классом. Их не объединяло одинаковое отношение к орудиям и средствам производства. Напротив, вскоре после своего появления горожане стали дифференцироваться на различные социальные прослойки, находившиеся подчас в состоянии антагонизма друг к другу.

Верхушечную прослойку представлял патрициат. Это были самые богатые горожане: ростовщики, купцы и мелкие феодалы, осевшие на городской территории. Патрициат занимал командные высоты управления: из его состава обычно избирались мэр, старшины и другие должностные лица.

Основную массу горожан составлял средний слой. Это были ремесленники — члены цехов, самостоятельные мастера.

Наконец, низшую прослойку, в будущем получившую название городского плебса, формировали подмастерья, ученики и прочих неимущий люд, находившийся в пределах города.

Между этими слоями в разные периоды существования города отношения складывались по-разному. В то время, когда город боролся со своим сеньором, все горожане выступали единым фронтом против общего врага. Это был первый этап борьбы (XI—XII вв.).

После полной или частичной победы над сеньором горожане разделились на две противоположные группы. На одном полюсе находился городской патрициат, на другом — основная масса производителей (средний слой и городской плебс). Начался второй этап классовой борьбы в средневековом городе (XIII—XV вв.): производители выступали против патрициата. Борьба на этом этапе заканчивалась по-разному. Иногда побеждали цехи (Флоренция), в других случаях верх брал патрициат (Кёльн). Но чем бы ни оканчивалась борьба, она приводила обычно к смыканию патрициата и цеховой верхушки в единый привилегированный слой.

И вот социальная структура города снова изменилась: на одном полюсе оказался блок из патрициата и богатых мастеров, на другом — городской плебс. Это была прелюдия третьего и последнего этапа классовой борьбы в средневековом городе (с конца XV в.). Теперь плебс выступал против богачей, а подмастерья и ученики — против «жирного народа». На этом этапе, как правило, борьба в городе смыкалась с борьбой в деревне: городской плебс выступал как естественный союзник крестьян в великих крестьянских войнах, ставших предвестниками ранних буржуазных революций.

2.2. Феодализм и товарное хозяйство

Влияние города на деревню. Развитие товарного хозяйства. Отпочковавшись от натурально-замкнутого поместья, город тотчас же начинал оказывать на него обратное влияние своим хозяйством и теми товарно-денежными отношениями, которые это хозяйство порождали.

Прежде всего город торговал, снабжал поместье своими ремесленными товарами. Чтобы покупать эти товары, населению поместья нужны были деньги, которые можно было получать, продавая сельскохозяйственные продукты. А покупал продукты

тот самый город, который продавал ремесленные изделия. Так устанавливалась экономическая взаимосвязь между городом и поместьем. Это был первый серьезный удар по натуральной замкнутости хозяйства, имевшей место в предшествующий период средневековья.

Зарождение и развитие товарно-денежных отношений в поместье приводит к серьезным последствиям: оно вторгается в сферу отношений между помещиком и крестьянами, разбивает прежнюю однородность крепостного класса, вызывает в нем социальную дифференциацию и, в конечном итоге, ведет к усилению классовой борьбы в поместье.

Изменение экономического положения феодала. Коммутация. Новая экономическая ситуация влияет прежде всего на положение феодала. Теперь феодал, вдоволь насытившийся о роскоши далекого Востока, вдоволь насмотревшийся на богатых купцов и ростовщиков, отказывается от условий прежней натуральной замкнутости. Ему нужны средства, чтобы перестроить и отделать свой замок; нужны также бархат и парча, дорогое оружие дамасской стали, арабские скакуны, чтобы не ударить в грязь лицом на турнире или при дворе короля; нужны и пряности для приправы к пище и ювелирные изделия для украшения себя и своей супруги. Для всего этого необходимы деньги, и причем много денег. Откуда их взять? Главный источник материальных поступлений феодала — это феодальная рента. Но крепостной выполняет свои повинности в основном натурой; либо в виде барщины на земле помещика, либо в виде оброка продуктами с надельной земли. Следовательно, для того чтобы получить деньги, феодал должен натуральные повинности заменить денежными, т.е. перевести барщину и продуктовый оброк на оброк денежный. Это феодал и предпринимает. Прежде всего он резко сокращает господскую запашку. Это приводит к уменьшению барщины. Барщина заменяется денежным оброком. Переводится на деньги и прежний натуральный оброк. Этот процесс носит название коммутации. В XII—XIII вв. коммутация проходит по многим странам Европы, прежде всего по Англии, Франции и Северной Италии.

При этом многие феодалы (особенно английские) радикально перестраивают свое хозяйство. Сокращая господскую запашку,

они резко увеличивают угодья, захватывая в ряде случаев даже общинные земли. На просторах своих лугов, используя вольнонаемный труд, они разводят стада овец. Феодал, ставший на этот путь, начинал получать деньги из двух источников: от крестьян, выплачивавших коммутационные платежи, и от горожан, покупавших сельскохозяйственное сырье.

Следует также отметить, что были помещики, которые полностью отказались от коммутации и ее благ. Вместо сокращения господской запашки они, напротив, увеличили ее, усилили барщину, и получая расширенный продукт с господской земли, сами продавали его на городском рынке. Подобные распоряжки были особенно характерны для стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Влияние коммутации на положение крестьянства. Коммутация приводила к серьезному изменению положения крепостных крестьян, в первую очередь к усилению их социального расслоения. Уже в предшествующий период не все крепостные находились в одинаковых условиях. Одни имели большие наделы, другие — меньшие, одни лучше справлялись со своим хозяйством, другие — хуже. Однако до XII—XIII вв. эта разница в положении крепостных не была велика и не имела особенного значения. Позже все изменилось.

Экономически более устойчивые крестьяне не только осилили коммутацию, но и получили от нее серьезный материальный выигрыш. Высвободив свой труд из барщины, крестьянин мог уделить его целиком наделу. Лучше обрабатывая надел, получая увеличенный урожай, крестьянин мог значительную часть полученных продуктов продавать на городском рынке. Часть вырученных от продажи денег он отдавал помещику в качестве коммутационного платежа, часть оставлял себе. В результате крестьянин, откладывая часть денег, со временем мог накопить средства, достаточные для выкупа своей личной зависимости от помещика. Потомки этого крестьянина несколько веков спустя — это, как правило, капиталистические фермеры.

Но, в феодальном обществе подобных крестьян было явное меньшинство. Что же касается большинства, т.е. средних крестьян и бедняков, то эти слои не только ничего не выиграли от коммутации, а, напротив, начали разоряться.

Действительно, средний крестьянин (не говоря уже о бедняке), лишь при напряжении всех сил своей семьи мог собрать с надела столько продуктов, чтобы после оставления необходимого что-то продать на городском рынке. Торгуя этими продуктами, он не мог выдержать конкуренции со своим более зажиточным собратом. В результате полученных денег едва хватало, а то и вовсе не хватало на покрытие коммутационных платежей. В случае если помещик не мог выколотить из крестьянина денежный оброк, он усиливал барщину. Таким образом, если зажиточный крестьянин получил от коммутации возможность к облегчению своей участи и даже к выкупу личной зависимости, то бедняка она разоряла, лишь увеличивала тяготы, лежавшие на его плечах, усиливала и без того непомерную феодальную эксплуатацию.

Так называемое «освобождение» крестьян. На основе развития коммутации в некоторых западно-европейских государствах (в Англии, Франции) в конце XIII — начале XIV вв. происходит так называемое «освобождение» крестьян. Сущность его как раз и заключалась в том, что часть крестьян, разбогатевшая на коммутации, выкупает свои личные повинности у сеньора. Западные (особенно английские) историки затратили много усилий, превознося это «освобождение» и доказывая его «благотельные» результаты для крестьянства. В действительности, однако, «освобождение», во-первых, коснулось лишь незначительной части крестьян; во-вторых, «освобождение» происходило за весьма солидные деньги; в-третьих, выкупались только личные повинности крестьянина (прежде всего барщина); поземельные повинности выкупу не подлежали, ибо земля по-прежнему продолжала считаться собственностью помещика, а крестьянин оставался только ее держателем, пользователем.

«Освобождение» крестьян было выгодно тем слоям помещиков, которые, втягиваясь в товарно-денежные отношения, перестроили свое хозяйство и вследствие этого не нуждались в барщине. Вместо нее они предпочитали получить деньги, сначала в виде коммутационных платежей, а затем в виде платежей откупных.

Феодальная реакция XIV в. «Освобождение» крестьян было приостановлено в первой половине XIV в., а затем, примерно в середине того же века, Западную Европу охватила феодальная реакция, выразившаяся прежде всего в резком усилении крепост-

нического гнета и в обратном закрепощении ранее «освобожденных» крестьян.

Причины феодальной реакции XIV в. многообразны. К ним относятся прежде всего жестокие феодальные войны, охватившие Западную Европу в этот период («Столетняя война» между Англией и Францией, династические войны в Центральной Европе и Италии и т.п.). В ходе этих войн вытаптывались поля, уничтожались урожаи, разрушались города и деревни. Положение усугубила эпидемия «черной смерти» — страшной чумы, которая примерно в середине XIV в. нахлынула на Европу. «Черная смерть», совершая свой путь с востока на запад, унесла огромное количество человеческих жизней. Ученые считают, что только в Англии чума уничтожила от одной трети до половины всего населения. Само собой разумеется, что подавляющая часть этих смертей пришлась на долю трудящихся масс, прежде всего крестьянства, которое, находясь в антисанитарных условиях, было особенно подвержено эпидемическим заболеваниям.

Последствия всех этих бедствий не замедлили обрушиться на молодое товарное хозяйство города и деревни. Количество производителей резко уменьшилось. Крестьяне не получали больше выгод от торговли с городом, да и сама эта торговля пришла в упадок. Соответственно стали сокращаться возможности коммутационных и выкупных платежей даже для зажиточного крестьянства. Вместе с тем, сельская беднота, работавшая по вольному найму у помещиков-овцеводов, отказывалась довольствоваться крайне низкой заработной платой, существовавшей до «черной смерти». В результате всего этого феодалы, перестроившие свое хозяйство, попали в весьма затруднительное положение. Чтобы выбраться из него, многие стали вновь увеличивать господскую запашку и опять закрепощать ранее освобожденных крестьян. Одновременно с этим помещики усилили общее бремя эксплуатации, падавшее на крестьянство в целом. Правительства, идя навстречу господствующему классу, стали издавать указы, запрещавшие требовать повышения заработной платы. Под тяжелые удары попали и бедняки, и средние слои крестьянства, и даже зажиточная верхушка деревни.

Феодальная реакция активизировала основной классовый антагонизм средневекового общества. Различные категории крестьян,

равно недовольные созданным положением и страдающие от произвола своих хозяев, стали повсюду подниматься на борьбу с угнетателями. Начинаясь эпоха великих крестьянских восстаний.

Крестьянские восстания XIV—XV в. Уже самое начало XIV в. ознаменовано одним из самых затяжных крестьянских восстаний этого периода — восстание Дольчино в Северной Италии (1303—1307). Полстолетия спустя во Франции разразилась знаменитая «Жакерия» (1358), положившая начало многовековым традициям французских крестьян. Вслед за этим в Англии вспыхивает восстание Уота Тайлера (1381). Наконец, в 1419 г. началась крестьянская война в Чехии (так называемые «гуситские войны») — сложное и противоречивое движение, характерное своей религиозной и национальной окрашенностью, но имеющее в своей основе все ту же борьбу крестьян против феодалов.

Это лишь самые крупные восстания. Кроме них можно было бы назвать еще не один десяток аналогичных движений, прокатившихся в эти же века по Венгрии и Румынии, Польше и Литве, Испании и Скандинавским странам. Несмотря на то, что каждое из восстаний имело свою специфику, что они не были одинаковы по масштабам своей хронологической и территориальной протяженности, что они различались степенью интенсивности и успехов, достигнутых в ходе борьбы, все они имели много общего как в причинах, так и в результатах. Вот это общее и должно быть выявлено в первую очередь.

Причины и характер крестьянских восстаний. Главной причиной великих крестьянских восстаний XIV—XV вв. было резкое усиление феодального гнета в период развитого феодализма. Если рост товарно-денежных отношений в поместье и коммутация привели к ухудшению положения средних и беднейших слоев крестьянства, то феодальная реакция ударила и по зажиточным слоям. Крестьяне потеряли всякую надежду добиться справедливости мирным путем: обращаясь с петициями к правительству или при посредничестве церкви. Католическая церковь показала себя ярым врагом сельской бедноты, жестоким эксплуататором и беззастенчивым демагогом. Будучи крупнейшим землевладельцем средневековья, католическая церковь оправдывала феодальный гнет в любых формах. Не случайно большинство крестьянских восстаний не только носило антифеодальный

характер, но и были направлены против католической церкви. Многие из них оказались обличенными в форму «ересей» — религиозных движений, выступавших против официальной религии. Народ, стремившийся сбросить ярмо вековой неволи, выдвигал против бога господ своего бога, бога угнетенных, обездоленных и страждущих, справедливого и евангельского Христа. Нападая на католицизм с позиций бесправия и нищеты, «еретики» требовали опрощения церкви, отказа прелатов от земель и дворцов, возвращения к бедности и простоте времен раннего христианства.

Общими для всех без исключения крестьянских восстаний средневековья были их стихийность, отсутствие организованности и четко продуманных целей.

Правда, уровень этой стихийности у разных восстаний был неодинаков. Если итальянские крестьяне начала XIV в. совсем не имели конкретного плана борьбы, если французские «жаки» выбросили лишь общий лозунг «уничтожить всех феодалов до единого!», то английские повстанцы, сражавшиеся под руководством Уота Тайлера, уже выдвинули свои программы, причем одна из этих программ даже требовала полного и справедливого передела земли, а также отмены всех привилегий феодалов.

Однако все участники средневековых крестьянских восстаний, в том числе и английские крестьяне, не умели придать своим действиям достаточно организованных форм, не смогли захватить власть в свои руки и добиться проведения в жизнь своих справедливых требований.

Крестьяне наивно верили в «доброего короля», который является «отцом народа», который поддержит их и защитит от жестоких феодалов.

Крестьяне были по-детски доверчивы в отношении своих врагов, прислушивались к их демагогическим посулам, соглашались на переговоры с ними, теряя драгоценное время и давая возможность феодалам собраться с силами и разгромить восстание.

Интересы крестьян почти всегда были локально ограничены. Каждая область жила своими нуждами и была совершенно равнодушна к требованиям своих соседей.

Еще более неоднородными были социальные интересы повстанцев. Зажиточные крестьяне, как только феодалы соглашались

удовлетворить их требования, отказывались от борьбы и покидали своих вчерашних соратников.

Наконец, вечной бедой средневековых крестьян было то, что они не имели союзника в своей справедливой борьбе. Единственного союзника, который мог бы обеспечить победу — пролетариата, в то время еще не существовало. Что же касается горожан, то они были равнодушны к крестьянскому делу, и если поддерживали его, то исключительно в своих эгоистических целях и лишь до тех пор, пока им это было выгодно.

В результате всего отмеченного крестьянские восстания средневековья не могли увенчаться победой, они неизменно заканчивались поражениями.

Последствия крестьянских восстаний. Однако крестьянские восстания XIV—XV вв. не прошли бесследно. Они сыграли важную роль в ходе истории феодального строя, внесли серьезные коррективы в экономическую и социальную структуру современного им общества.

Восстания в Англии, Франции и Италии покончили с феодальной реакцией и ее последствиями. Помещики были напуганы размахом крестьянских войн, и хотя они вышли из них победителями, однако, не желая возобновления столь опасных движений, вынуждены были пойти на известное смягчение крепостнического режима. Интересы и требования зажиточных крестьян были в основном удовлетворены. Обратное закрепощение прекратилось. «Освобождение» крестьян приняло более широкие масштабы, чем было до феодальной реакции. В XV в. в Англии и Франции были несколько снижены выкупные платежи, и значительная часть среднего крестьянства получила возможность выкупить свои личные повинности.

Расширение контингента лично свободных крестьян, в свою очередь, содействовало укреплению товарного хозяйства и увеличению сферы его действия.

Особенности положения крестьян в Центральной и Юго-Восточной Европе. Иначе складывалось положение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Как указывалось выше, помещики этих стран (Германии, Чехии, Польши, Венгрии) сами торговали сельскохозяйственными продуктами, не сокращая, а увеличивая господскую запашку. Поэтому коммутация здесь не

имела места. Если на Западе феодальная реакция носила временный характер и была ликвидирована в результате крестьянских войн XIV—XV вв., то здесь в связи с указанной спецификой установилась постоянная феодальная реакция, т.е. помещики, стремясь получить возможно большее количество продуктов, все более увеличивали барщину, непрерывно усиливая эксплуатацию крестьян. Поэтому, в то время как на Западе крепостное право ослабевало и значительная часть крестьян освобождалась от личной зависимости, в указанных странах, наоборот, крепостное право утверждалось и сохранилось надолго. Власть помещиков (князей, панов) усилилась здесь настолько, что даже такие мощные движения, как Гуситские войны (XV в.) в Чехии или восстание Дожи (начало XVI в.) в Венгрии, не смогли их ослабить. Подобное положение было характерно и для Балканских стран (Болгария, Сербия), где процесс феодализации крайне затянулся и к XIV в. едва достиг своего завершения.

Крестьяне стран Юго-Восточной Европы к XIV в. были настолько замучены крепостной неволей, что не смогли оказать серьезного сопротивления нашествию турок-османов (вторая половина XIV—XV вв.). Этим, между прочим, отчасти и объясняется та сравнительная легкость, с которой османы завоевали Балканский полуостров и прилегающие к нему страны.

2.3. Образование централизованных государств

Феодально-раздробленное государство. Если в переходный период от рабовладения к феодализму типичной формой государства было «варварское» королевство, структура которого лучше всего отвечала активному ходу процесса закрепощения широких масс свободных общинников, то ко времени завершения феодализации типичной формой государства стала феодально-раздробленная монархия, в X—XI вв. утвердившаяся повсюду в Европе.

В феодально-раздробленной монархии вся государственная территория распадается на множество больших и малых сеньорий, политически замкнутых мирков, столь же изолированных друг от друга в политическом отношении, как находившиеся внутри них поместья были отделены одно от другого экономически. Феодальная иерархия, сложившаяся в каждом из европейских

государств к этому времени, стала юридическим выражением соподчиненности феодалов; глава государства — король — превратился в верховного сеньора с весьма ограниченным кругом политических возможностей.

Пример классической феодальной раздробленности X—XII вв. — королевство Франция. Она распадалась на несколько десятков крупных сеньорий (герцогств, графств, маркизатов), каждая из которых, в свою очередь, делилась на бесконечное количество более мелких феодалов. В этом вечно бушующем море феодальной анархии непосредственные владения короля (королевский домен) составляли лишь крохотный островок: это была узкая полоса земли, тянувшаяся между Парижем и Орлеаном — двумя главными королевскими городами. Первые французские монархи из династии Капетингов (сменившей Каролингов в 987 г.) были очень слабыми правителями. Они не могли провести ни одного общегосударственного акта, т.к. по рукам и ногам были связаны мощью своих непокорных вассалов, не имели ни престижа, ни материальных средств, ни опоры в своих действиях. Подобную же картину можно было наблюдать и в Польше, и в Венгрии, и в Италии, и во многих других феодальных государствах этого периода.

Предпосылки к политической централизации. Главной предпосылкой к изменению подобной государственной структуры к началу политической централизации было становление городов и развитие товарного хозяйства.

Появление города, развитие ремесла и торговли — все это пробивало серьезную брешь в натуральной замкнутости феодального хозяйства. Как ни узок был круг влияния средневекового города, он все же оказывался несравненно шире круга влияния поместья. Товарное производство и товарно-денежные отношения неизбежно вели к расширению экономических связей, к экономическому сближению прежде изолированных территорий. Горожане — купцы и ремесленники — будучи весьма заинтересованы в подобном сближении, всячески содействовали ему. Однако серьезным препятствием на пути этого процесса оказывалась феодальная раздробленность с ее таможенными перегородками, иммунитетным правом и прочими атрибутами сеньориальной власти. Движение за экономическую консолидацию должно было вступить в неизбежный конфликт с феодальной анархией. Вскоре

на этом пути борьбы у городов оказался сильный союзник. Таким союзником была королевская власть.

Причины союза королевской власти с городами. Характер этого союза. Король, так же как и город, видел в феодальной раздробленности крайне нежелательное явление, которое нужно было преодолеть. Король, так же как и город, стремился покончить с феодальной анархией и вывести государство на путь централизации. Правда, побудительные причины у короля и города были совершенно различные. Если город мечтал о ликвидации феодальной анархии ради уничтожения таможенных барьеров и расширения экономических связей, то король помышлял в первую очередь об увеличении своей персональной власти и о преумножении богатств. Однако объективно королевская власть в этих условиях должна была сыграть прогрессивную роль и, действительно, сыграла ее. Королевская власть в то время «...была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти точно так же, как и королевская власть тяготела к ним.

Союз королевской власти с городами значительно ускорил политическую консолидацию феодального государства. Уже в XII в. французские короли стали оказывать деятельную помощь городам в их борьбе с сеньорами. Города, в свою очередь, приходили на помощь к королям (Капетингам) в их войнах с крупными феодалами и внешним врагом. С помощью городов французский король Филипп II Август (1180—1223) разбил англичан, до этого владевших половиной Франции, и во много раз расширил территорию своего домена. К помощи городов в борьбе с феодальной анархией прибегают также короли Чехии, Польши, Венгрии и ряда других государств.

Позиции мелких феодалов (рыцарство). В политической централизации была заинтересована и часть класса феодалов, а именно его низшая прослойка — рыцарство. Рыцари завидовали богатствам крупных феодалов и в королевской власти видели силу, с помощью которой можно было ослабить своих соперников и одновременно на военной службе у короля улучшить и свое

материальное положение. В некоторых странах (Англия, Чехия, Польша) значительная часть рыцарства оказалась втянутой в товарно-денежные отношения. Эти рыцари, как и города, были заинтересованы в расширении экономических связей, а следовательно, и в ликвидации феодальной раздробленности,

Позиции церкви. В буржуазной историографии обычно подчеркивается важная роль католической церкви в процессе консолидации феодального государства. В действительности позиции церкви в этом вопросе были весьма противоречивыми. С одной стороны, епископы и аббаты, несомненно, были заинтересованы в укреплении централизованного государства. Сильная центральная власть предохраняла богатства церкви от разорительных феодальных войн и от народных восстаний. Под покровительством сильного монарха церковь могла эффективнее внедрять в народные массы свое учение и беспрепятственнее грабить доверчивых бедняков.

Однако, с другой стороны, жадные и властолюбивые князья церкви в гораздо большей степени стремились к усилению своей собственной власти, нежели власти светского монарха. Римские папы, кардиналы и архиепископы стремились доказать, что церковная власть выше светской, что всякий светский государь обязан подчиняться духовному. На этой почве, как известно, в XI—XII вв. разгорелась ожесточенная и кровопролитная борьба между папами и императорами. На этой почве неоднократно вспыхивали жесточайшие распри и в Англии (XII—XIII вв.), и во Франции (XIV в.), и в других феодальных государствах. Борьба эта, разумеется, не только не содействовала политической консолидации той или иной страны, но вела к прямо противоположным результатам, обескровливая экономику и играя на руку феодальной анархии. Исходя из этого, следует констатировать, что церковь сыграла скорее отрицательную, чем положительную роль в процессе становления централизованного государства.

Начало государственной централизации. Реформы XII—XIV вв. Первая задача, которую должна была разрешить монархия, лежала в плоскости укрепления взаимоотношений короля с вассалами.

Согласно феодальному праву, установившемуся еще в IX—X вв., король мог требовать повиновения только от своих непосредственных вассалов. Для усиления сеньориальной власти

короля последнему было необходимо перевести всех феодалов страны в число своих и непосредственных вассалов. С этой задачей в Англии успешно справился Вильгельм Завоеватель (1066—1088), во Франции — Филипп II Август. Филипп Август стал также первым устроителем королевской администрации: он разделил территорию разросшегося королевского домена на отдельные области, во главе которых поставил особых чиновников — прево и бальи. Действуя таким образом, французский король сумел взять под свой непосредственный контроль всех феодалов, проживавших на территории домена.

Вслед за этим в XII—XIV вв. повсюду в Европе, опираясь на города и рыцарство, королевская власть проводит ряд государственных реформ с целью укрепить монархию и ослабить своевластие крупных феодалов. К числу крупнейших королей-реформаторов можно отнести и Генриха II Плантагенета (1254 — 1289) в Англии, Людовика IX «Святого» (1226—1270) — во Франции, Казимира III Великого (1333—1370) — в Польше.

Одной из главных государственных реформ была судебная реформа. Эта реформа в разное время и с разными вариациями проводилась почти всеми феодальными монархами Европы.

Судебное право играло чрезвычайно важную роль в феодальном обществе. Суд был теснейшим образом связан с политической сеньориальной властью. Будучи одной из составных частей иммунитетной привилегии, феодальный суд находился в руках титулованных вассалов короля. Каждый крупный феодал был сам верховным судьей в своих поместьях, владениях, располагая правом жизни и смерти в отношении каждого своего подданного. При этом, конечно, существовал и королевский суд; однако судебная власть короля распространялась лишь на территорию его непосредственных владений и не могла нарушать иммунитетных прав крупных сеньоров. До тех пор пока сохранялось подобное положение, король был бессилен по отношению к своим вассалам. Даже непосредственный вассал короля, если он обладал правом сеньориального суда, был почти неуязвим для своего сюзерена.

Сущность судебной реформы сводилась к законодательному повышению авторитета королевского суда, который, выделяясь за пределы суда феодального, становился высшей апелляционной инстанцией, к которой феодалы должны были обращаться в своих

спорах. Королевский суд изымал из ведения судов феодальных высшие уголовные дела, которые отныне могли решаться только в королевской палате.

Генрих II при этом установил в суде новый порядок, согласно которому следствие велось под присягой — тем самым было положено начало суду присяжных.

Людовик IX создал специальную судебную палату — парламент, который под председательством короля должен был стать высшей судебной инстанцией для всего французского королевства.

Помимо резкого повышения королевского престижа, а также усиления власти монарха над вассалами, судебная реформа стала для короля дополнительным источником доходов в виде штрафов, гербовых сборов и иных судебных поступлений.

Не менее важное значение имела военная реформа, проведенная королями Англии (XII в.), Франции (XIII в.), Польши (XIV в.) и Венгрии (XV в.). Сущность военной реформы сводилась к сокращению или упразднению старого феодального войска и к замене его новой, более боеспособной королевской армией.

В период утверждения феодализма (X—XI в.) войско короля формировалось по принципу вассальной службы. Каждый вассал был обязан исполнять военную повинность для своего сеньора — для короля. Эта повинность ограничивалась небольшим сроком — сорока днями в году). Армия, собранная из воинов-вассалов, была очень слабой. Она не подчинялась никакой дисциплине, была крайне «текуча». С такой армией король не мог рассчитывать на победу.

Генрих II и Людовик IX стали широко практиковать освобождение феодалов за выкуп от вассальной военной службы. На деньги, полученные от выкупа, король набирал наемное войско, которому платилось регулярное жалование. От такого войска требовали иной дисциплины, оно было постоянным.

Казимир III, ослабив военную привилегию шляхты, в целях повышения боеспособности своей армии стал приглашать в нее горожан и даже крестьян, за что получил прозвище «короля холопов».

В качестве вспомогательных отрядов военные силы горожан стали использоваться королями Англии, Франции, Чехии, Венгрии и других европейских государств.

Военная реформа освободила короля от феодальной опеки крупных сеньоров, сделала его независимым государем, всегда имеющим сильную, боеспособную и дисциплинированную армию.

Особенный смысл имела денежная реформа, проведенная королями Франции, Польши и некоторых других государств в XIII—XIV вв. Эта реформа проводилась в значительной степени для удовлетворения интересов верных союзников королевской власти — растущих городов.

До XIII в. ни в одном из европейских государств не было единой монеты. Каждый феодал-иммунист сам чеканил монету в пределах своей сеньории. Эта практика вела к бесконечному множеству денежных систем. Купцу, переходившему из одной сеньории в другую, приходилось каждый раз применяться к действующей там монете, что создавало огромные трудности для торговли. При этом феодалы крайне злоупотребляли своим правом чеканки. Они портили монету, добавляли к золоту и серебру большое количество примесей и т.д.

Французский король Людовик IX первым в Европе решил покончить с подобной практикой. За ним последовали правители ряда других государств. Король установил единую денежную систему для всей страны. Специальный монетный двор в Париже стал чеканить стабильную золотую и серебряную монету, которую правительство обязывало к приему на всей территории Франции. Крупные феодалы, правда, в течение некоторого времени судорожно цеплялись за свое право и продолжали чеканить сепаратную монету. Но так как королевские деньги были полновесны, полноценны и, главное, стабильны, то в торговых отношениях они очень скоро вытеснили всю другую монету.

Денежная реформа точно так же, как и судебная, и военная, содействовала ослаблению феодальных перегородок и сближению между собой отдельных частей государства.

Роль классовой борьбы. Значительную роль в уничтожении феодальной раздробленности и развитии государственной централизации сыграла классовая борьба, резко усилившаяся в это время. Великие крестьянские восстания потребовали для своего подавления консолидации сил всего феодального общества. Крупные феодалы, напуганные размахом этих движений, прекрасно поняли, что в одиночку с крестьянами им не справиться.

Теперь они начали серьезно задумываться над тем, чтобы принести в жертву часть своих прежних привилегий, сплотиться под эгидой королевской власти.

Образование сословных монархий. В этих условиях повсюду в Европе постепенно складывается единообразная форма государственного устройства — сословная монархия. Такая форма государства становится типичной для периода развитого феодализма.

По мере того, как королевская власть одерживает победы над феодальной анархией, она все более стремится к организации устойчивого учреждения, которое служило бы ей опорой и которое помогало бы ей наиболее быстро ликвидировать внутренние и внешние затруднения. Старый феодальный совет для этого не годился. Нужен был орган, который отражал бы новую социальную ситуацию в феодальном обществе, который дал бы возможность легально привлечь к управлению те общественные слои, в поддержке которых нуждалась монархия. С другой стороны, и сами эти слои были весьма заинтересованы в том, чтобы законно оформить свои отношения с монархией. Города давали королю деньги и хотели знать, как эти деньги расходуются. Рыцарство давало королю военные силы и желало определить средства, которые ассигновались на содержание этих сил. Крупные феодалы и князья, церкви, в свою очередь, стремились занять подобающие их рангам места в государственном совете.

На этой основе и сложились сословно-представительные учреждения в различных феодальных государствах. В некоторых случаях они возникли по инициативе короля, в других — по инициативе сословий, но сущность их от этого не менялась.

Сословно-представительные учреждения. Время появления сословно-представительных учреждений в основном приходится на XII—XIV вв. В разных государствах эти учреждения носили разные названия и имели различную структуру. Наиболее типичными по своему устройству были сословно-представительные учреждения Франции и Англии — генеральные штаты и парламент.

Генеральные штаты созывались королем из представителей трех сословий: духовенства (первое сословие), дворянства (второе сословие) и остального населения (третье сословие).

В состав первого сословия входили все категории католического духовенства; в штатах это сословие представляло преимущественно высшее духовенство.

В состав второго сословия входили титулованные феодалы разных градаций, а также рыцарство.

В состав третьего сословия входили все остальные категории населения, т.е. разные слои горожан и крестьянство. В штатах, однако, это сословие было представлено исключительно верхушкой горожан.

Несколько иную структуру имел английский парламент. С XIV в. он распадается на две палаты: палату лордов и палату общин.

В палате лордов заседали представители высшего духовенства и высшего титулованного дворянства.

В палате общин, на соседних скамьях, заседали рыцари и верхушка горожан.

Это своеобразие состава нижней палаты парламента объяснялось условиями экономической жизни Англии. Как указывалось выше, значительная часть английского рыцарства рано втянулась в товарно-денежные отношения и экономически сблизилась с верхушкой горожан — купцами и ростовщиками. Нижняя палата и отражала это сближение, порожденное общностью материальных интересов.

Сословно-представительные учреждения других государств часто имели свои специфические особенности.

В кастильских кортесах наряду с феодалами и горожанами до XIV в. заседала также верхушка крестьян.

Венгерский сейм до XV в. был однопалатным учреждением: он был представлен исключительно крупными феодалами. В XV в. король Матвей Корвин (1458—1490) проводит реформу, согласно которой в состав членов сейма должны были входить также рыцари и зажиточные горожане.

Польский сейм состоял из двух палат: верхней — коронной рады и нижней — посольской избы. Однако заседали в них исключительно представители господствующего класса: паны и шляхта.

В основе этой специфики всегда лежат особенности внутреннего экономического и социального развития данной страны, однако несмотря на структурные различия, все сословно-представительные

учреждения, созданные с одной и той же целью, выполняли аналогичные функции.

Формирование сословно-представительных учреждений. Прежде всего следует иметь в виду, что сословно-представительные учреждения в большинстве европейских стран в момент своего возникновения не преследовали цель ограничить монархию. Они должны были не мешать королю, а помогать ему, ведь в ряде случаев он и был инициатором их созыва. В чем же проявлялась эта помощь? Прежде всего в разрешении сбора налога. В то время не существовало постоянных государственных налогов. Когда король нуждался в средствах, он обращался к своим вассалам (которые всячески стремились уклониться от платежей), или к городам, которые платили, но требовали упорядочения этого вопроса. Тогда-то и возникла мысль о необходимости регулировать сбор налога с населения. Король понимал, что его поборы будут выглядеть законными, если представители населения сами станут санкционировать эти поборы. Эта задача и была возложена на сословно-представительное учреждение. Каждый раз, когда король находил нужным собрать общий налог, он вызывал представителей сословий. Постепенно эти созывы стали регулярными. Представители сословий почувствовали свою силу и часто, прежде чем разрешить налог, обращались к королю с пожеланиями и в зависимости от реакции короля давали свою санкцию. Так сословно-представительные учреждения постепенно захватывали в свои руки определенную часть законодательной инициативы.

Следует еще раз подчеркнуть классовый характер этих учреждений. В ряде стран, как указывалось выше, в них заседали только феодалы. Но даже и там, где в связи с более развитой экономикой и постоянной опорой королевской власти на города в них получила доступ верхушка горожан (Англия, Франция), решающее слово все же оставалось за господствующим классом, располагавшим сословным большинством дворянства и духовенства против третьего сословия.

Сопrotивление крупных феодалов. Между тем, крупные феодалы примирились с королевской властью лишь временно. Устрашенные классовой борьбой и государственными реформами, они, казалось, были готовы склониться перед монархом и признать общеклассовое единство помещиков. Однако всякий

раз, как только появлялась возможность, всякий раз, как королевская власть по тем или иным причинам временно ослабевала, они вспоминали о своих былых привилегиях, снова бросались в бой и иногда одерживали победы.

Так, в Англии вскоре после смерти короля-реформатора Генриха II крупные феодалы использовали широкое недовольство населения правлением сына Генриха — жестокого Иоанна Безземельного (1189—1216). Демагогически взывая к городам и рыцарям, феодалы сумели перетянуть их на свою сторону и заставили короля подписать «Великую хартию вольностей» (1215 г.) — реакционный документ, отдающий власть в руки феодальной военицины. Такое же положение создалось и в Венгрии в том же XIII в., когда венгерские феодалы навязали своему королю Андрею II так называемую «Золотую буллу» (1222) — грамоту, аналогичную «Великой хартии вольностей». Вспышки феодальной реакции неоднократно наблюдались и в других европейских государствах. Во Франции в период разорительной Столетней войны (1337—1453) крупные феодалы не раз захватывали инициативу в свои руки, грозили королевской власти и стремились увести общество назад, ко времени феодальной раздробленности. Подобные демарши сильно вредили экономическому и социальному развитию страны, в которой они происходили, замедляли процесс централизации, но остановить его не могли. Растущие производительные силы требовали расширения внутреннего рынка. Законы экономического развития неуклонно брали верх над могуществом феодальных лиг.

Завершение современных наций. Одним из ярких проявлений завершения процесса внутренней консолидации средневекового государства было зарождение современных наций.

Средневековые народности родились вместе с утверждением феодализма. На развалинах Каролингской империи появились французская, немецкая и итальянская народности. Чешское раннефеодальное государство было родиной чехов, польское — поляков, венгерское — венгров. В ходе экономических и социальных процессов, бурно протекавших в период развитого феодализма, эти народности, пестрые и разобщенные, стали приобретать ряд внутренних единств. По мере развития внутреннего рынка и ликвидации феодальной раздробленности эти единства росли и укреплялись.

К концу XV в. на этой стадии уже находился целый ряд средневековых народностей. Яркий пример дает нам французская народность. Общность языка складывалась у французов в течение многих столетий. На заре средневековья, в IX—X вв., во Франции было два языка (северо-французский и южно-французский) и много диалектов (бретонский, гасконский, нормандский, бургундский, аквитанский и т.п.). К концу XV в. уже формировался единый французский язык, на котором писали исторические хроники и литературные произведения, на котором люди разных областей говорили и понимали друг друга.

Общность территории выростала в борьбе с феодальной раздробленностью. К концу XV в. завершился процесс собирания земель вокруг исторического центра Франции — Парижа. И герцогство Нормандия, и графство Тулуза были теперь самостоятельными полугосударствами, а частью единой Франции — страны французов.

В ходе ликвидации раздробленности на основе роста ремесла и торговли, экономически стягивающих отдельные территории, зародилась и развивалась общность экономической жизни, ярким проявлением которой стали первые ростки капиталистического производства, появившиеся во Франции к началу XVI в.

Наконец, общность психического склада проявлялась в возникновении французской литературы и французского искусства.

Конечно, все эти общности были еще далеки от своего завершения. Пройдут века, прежде чем французский язык окончательно разрушит провинциальные диалекты, прежде чем полностью сформируется территория современной Франции, прежде чем сложится на ней единый внутренний рынок.

Однако процесс шел, нация формировалась, а ее формирование, в свою очередь, ускоряло завершение политической централизации страны.

Образование централизованных государств. К концу периода развитого феодализма процесс политической централизации в основном заканчивается. Феодально-раздробленное государство превращается в государство феодально-централизованное. Резко возросшая политическая мощь короля, появление постоянной администрации, регулярной армии, упорядоченных доходов — все это дает возможность расправиться с феодальными лигами и воссоединить страну.

Французский король Людовик XI (1461—1483) ликвидирует наследие Столетней войны, разбивает последних самостоятельных полугосударей, присоединяет важнейшие в экономическом отношении территории — Мэн, Анжу, Пуату, Прованс, Бургундию.

К этому же времени завершается процесс централизации Англии, Испании и ряда других европейских государств.

Феодално-централизованная монархия, как видим, является следствием тех изменений, которые происходят в базе общества, в его экономической и социальной структуре. Такая форма государства наиболее полно отвечает состоянию производительных сил в этот период. Она наилучшим образом охраняет интересы помещиков и верхушки горожан в их борьбе с трудящимися и эксплуатируемыми массами.

Путь от феодальной раздробленности через сословную монархию к политически централизованной монархии — это типичный путь средневекового государства в период развитого феодализма.

Особенности развития некоторых государств Европы. Священная Римская империя. Однако не все феодальные государства Европы пошли таким путем. Совершенно иначе сложилась историческая судьба Германии и Италии.

Значительную часть периода развитого феодализма Германия и Италия были искусственно соединены в рамках уродливой Священной Римской империи германской нации. Эта империя зародилась в 962 г. в результате агрессивных походов германских королей в богатую Северную Италию. В ее внутренней структуре ничего не подтверждало ее названия:

— она не была Священной, потому что в основном носила светский характер;

— она не была Римской, потому что ее центры лежали не в Италии, а в Германии;

— она ни в коей мере не была государством «германской нации», во-первых, потому что такой нации еще не сложилось, во-вторых, потому что германский элемент составлял в ней подавляющее меньшинство.

Империю раздирала постоянная внутренняя борьба между передовыми богатыми городами Северной Италии и отсталой феодальной Германией. Это была борьба славянских народов против немецкой агрессии, пытавшейся включить их в состав империи.

Это была борьба светского (император) и церковного (папа) начал, постоянно сражавшихся за свое преобладание.

В результате подобной многообразной борьбы, непрерывно сотрясавшей империю, в последней не могло сложиться внутреннего единства.

Единства экономики быть не могло потому, что империя состояла из ряда народностей, каждая из которых жила своей собственной экономической жизнью; кроме того, императоры в своей борьбе с папами и феодалами не опирались на города, а города, видя в них лишь грабителей, не оказывали им поддержки.

Единства политического быть не могло потому, что для этого не сложилось экономических условий. Империя была обречена на распад. Она распалась в середине XIII в. Италия навсегда отделилась от Германии. Однако раздельное существование этих двух государств сохранило тенденции, завещанные Священной Римской империей.

Германия в XIII—XV вв. Теперь пределы империи ограничивались Германией и западно-славянскими землями, насильственно захваченными немецкими феодалами. Процессы феодализации в Германии проходили значительно позднее, чем во Франции или Италии. Германия состояла из ряда больших областей, которые раньше были племенными княжествами, такими как Саксония, Франкония, Швабия, Бавария. Эти области находились на разном уровне экономического развития и были слабо связаны друг с другом. В процессе феодального дробления (XII—XIII в.) они распались на множество отдельных феодалов. Немецкие города не пользовались поддержкой со стороны императора и, спасаясь от ига феодалов, должны были объединяться в союзы (Рейнский, Швабский, Ганзейский и т.п.). С течением времени локальная ограниченность отдельных областей становилась все более заметной. По мере развития экономики отдельные районы все более замыкались, стремясь к отрыву друг от друга. В Германии не сложилось экономического и политического центра страны. Императорская власть не имела прочной опоры. Князья (фюрсты), духовные и светские, с течением времени захватывали все большую и большую власть. В конце концов император был вынужден расписаться в собственном бессилии и официально отдать страну на растерзание фюрстам («Золотая булла», 1356 г.).

Италия в XIII—XV вв. Италия, выйдя из состава империи, также не превратилась в централизованное государство. В Италии, как и в Германии, не сложилось условий для экономического и политического сплочения. Ее отдельные области были слишком различны по своей внутренней структуре. Юг страны составляло Неаполитанское королевство, крайне отсталое экономически и бывшее постоянным объектом иноземной агрессии. В центре Италии, вокруг Рима и соседних городов, расположилось Папское государство с очень широкими политическими претензиями и весьма слабыми внутренними ресурсами. Папы все время вмешивались в общеевропейские дела, стремясь повысить свой политический престиж и увеличить количество своих богатств. Папство XII—XV вв. было международным жандармом, душителем революционных движений, ярким врагом национального возрождения народов и национальной культуры. У себя дома, однако, папы не располагали твердой властью, постоянно воюя с феодалами Средней Италии. К концу XV в. не только политические, но и идейные позиции папства сильно ослабели.

К северу от Папского государства начиналась наиболее богатая и передовая Италия, Италия городов-республик, сильных своим экономическим развитием, гордых своей независимостью. Такие города-республики, как Флоренция, Венеция или Генуя, были наиболее экономически развитыми районами феодальной Европы. Во Флоренции, раньше чем где бы то ни было (в XIV в.), появились первые ростки капиталистического производства. Однако и здесь внутреннего единства сложиться не могло. В процессе своего роста и обогащения города все больше соперничали друг с другом, находясь в состоянии непрерывной борьбы.

Так в Италии, несмотря на значительное экономическое развитие некоторых её областей, точно так же, как и в Германии, не сложилось условий для внутренней консолидации.

Особенности развития Чехии и Польши. Чехия и Польша начали свой путь как государства, идущие по пути централизации. К XIV—XV вв. они сумели достигнуть значительных результатов на этом пути. Однако ряд внутренних и внешних обстоятельств помешали им завершить централизацию и превратиться в сильные национальные государства.

Чехия уже с X в. стала объектом немецкой агрессии. Хотя чешский народ успешно боролся с этой агрессией, неоднократно отражая ее, и хотя в ходе славных Гуситских войн (1419—1434) он добился полной независимости, предательская деятельность королей и панов, продавшихся немцам, в конце концов свела эти результаты на нет. Находясь в составе империи под гнетом немецких попов и феодалов, героическая Чехия не смогла превратиться в самостоятельное сильное государство.

Много претерпела от немецкой агрессии и феодальная Польша. Немцы завоевали ряд исконных польских земель: Поморье, Силезию и др. Блистательная победа польских, литовских и русских войск под Грюнвальдом (1410 г.) спасла Польшу от иноземного ига. Однако польские феодалы использовали длительную борьбу с захватчиками в целях своего усиления. Они усилили крепостную неволю, подавили растущие города и захватили судьбу страны в свои руки. Дальнейшая история Польского государства тесно связана с агрессией польских феодалов в русские земли с отторжением ими русских, украинских и белорусских земель. Эта агрессия имела для Польши губительные последствия. Предавая забвению исконно польские интересы, оставляя старинные польские земли под игом немецких феодалов, польские паны увязали в длительных войнах с Русским государством, закончившихся полным крахом Речи Посполитой.

Особенности развития государств юго-востока Европы. Страны юго-востока Европы (Венгрия, Болгария, Сербия, Румынские княжества) имели в своей судьбе много общего. Все они вступили на путь централизации сравнительно поздно (XIII—XIV вв.). Причиной этого были постоянные внутренние и внешние потрясения, которые беспрестанно нарушали экономику и политическое развитие этих государств. Это были сначала опустошительные вторжения татаро-монголов (XIII в.), а затем (с XIV в.) завоевания турок-османов. Если монгольское нашествие подорвало мощь этих государств, то турецкая агрессия привела к их полному разрушению. Болгария и Сербия потеряли свою независимость в XIV в., Румыния — в XV в., Венгрия — в начале XVI в. Народам Балканского полуострова было суждено попасть под многовековое турецкое иго.

4. Некоторые особенности средневековой идеологии и культуры

Католическая церковь. Ее положение и роль. В период развитого феодализма окончательно сложилась и окрепла идеологическая основа феодализма — христианская церковь.

Наиболее яркую роль по обслуживанию феодального базиса в странах Западной Европы сыграла католическая церковь, выделившаяся из общего русла христианства еще на ранних этапах средневековья.

Характеризуя роль католической церкви в средние века, Ф.Энгельс указывал, что она «являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».

Католическая церковь как организация была плотью от плоти всего феодального общества. Она оформлялась организационно параллельно становлению базиса и политической структуры феодального мира. Со времени утверждения феодального строя церковная иерархия сделалась полным отражением иерархии светской: подобно тому, как в светском феодальном обществе существовали различные категории сеньоров и вассалов от короля (сюзерена) до рыцаря, так и члены клира распределялись по феодальным степеням от пап до приходского священника (Церковь была крупным феодалом). В разных государствах Европы она располагала примерно третью от количества всей обрабатываемой земли, на которой эксплуатировала крепостных, применяя те же методы и приёмы, что и светские феодалы. Используя таким образом готовые формы феодального общества, получая от них бесчисленные плоды, как организация церковь в идеологическом плане ставила своей задачей обосновать закономерность, справедливость и богоугодность этого общества, оправдать крепостную эксплуатацию и феодальный гнет, вытравить все то, что могло бы посеять в душах верующих сомнения относительно справедливости и существующего порядка вещей.

Для того чтобы внушить угнетенному народу подобные мысли, католическая церковь с успехом использовала самые различные средства. Громады готических соборов с мрачными сводами и тусклыми цветными стеклами, торжественная служба, сопровождаемая театральными представлениями — мистериями,

рисующими картины рая, ада и т.п., — все это должно было беспрестанно подавлять мысль и волю верующего.

Вся духовная жизнь общества была взята под строжайший контроль. Главной отраслью проявления человеческой деятельности, в которую церковь давно уже проникла и которую теперь полностью взяла на откуп, была область культуры. Средневековая культура оказалась пронизанной влиянием неустанно попечительствующей над ней католической церкви.

Католическая церковь и культура. Историография Запада и ее критика. Вопрос о роли католической церкви в развитии средневековой культуры давно поставлен в исторической науке. Западная историография, особенно современная, с энтузиазмом доказывает благодетельность этой роли. В специальных работах и общих трудах современных западных историков устанавливается, что чуть ли не вся культура средневековья была делом рук церкви, что церковь заботливо охраняла ее и приобщала к ней широкие массы верующих. При этом положения, из которых эти историки выводят свои «доказательства», можно свести к трем основным тезисам.

1. Католическая церковь стала передатчиком античной культуры средневековому обществу.

2. Католическая церковь была единственной грамотной корпорацией, вследствие чего просвещение и культура исходили только от нее. Монастыри были главными очагами культуры. Монастырские библиотеки хранили рукописи, изготавливаемые монастырскими мастерскими. Через приобщение к этим рукописям население приучалось к книге и получало реальные знания.

3. Наконец, сам латинский язык, бывший языком обрядов католической церкви, являлся языком науки и культуры. Благодаря его универсальности ученые различных стран могли составлять на нем свои труды и общаться друг с другом, а так же со своими учениками и прочим населением.

На первый взгляд, эти тезисы не лишены убедительности. Однако при вдумчивом рассмотрении они оказываются насквозь лживыми, как и все здание, построенное на их основе современной западной историографией.

1. Католическая церковь не была и не могла быть передатчиком античной культуры, ибо эта культура была ей глубоко враждебна.

Для аскетического, христианского мировоззрения все связанное с античным язычеством, с античной материалистической философией и культом тела и красоты было абсолютно неприемлемо. Античное наследие во всех его проявлениях (литература, искусство, наука) признавалось греховным, подлежащим уничтожению. И христианские изуверы действительно это наследие уничтожали. Они разграбили и сожгли знаменитую Александрийскую библиотеку — ценнейший фонд античных рукописей; испортили сами рукописи, соскабливая с пергамента античные тексты и заполняя их записями богослужебных треб; физически истребляли ученых — последних носителей античной образованности (убийство Гипатии и др.).

Из сказанного ясно, что католическая церковь была не охранителем, а палачом наследия прошлого, что она не передавала, а разрушала его.

2. На заре средневековья католическая церковь действительно была единственной грамотной корпорацией. Элементарные знания в области письменности и языка были необходимы епископам, аббатам и попам для чтения Священного Писания и совершения обрядов. Однако это обстоятельство отнюдь не делало церковь источником просвещения. Напротив, считая грамотность своей привилегией, католические попы искусственно поддерживали невежество и суеверия средневекового человека, полагая, что знания для народа не только бесполезны, но и крайне вредны. Что касается монастырских библиотек, то просмотр их фондов показывает полное отсутствие в них литературы, могущей принести реальную пользу читателю. На книжных полках этих библиотек были евангелия, молитвенники, жития святых. Ясно, что если бы даже обыватель был грамотен, он вряд ли смог понять свой культурный уровень, читая подобные книги.

3. Нельзя отрицать, что латинский язык в качестве языка католической службы получил в средние века универсальное распространение. Нельзя отрицать также, что официальная «наука» использовала этот язык для своих целей, в каком бы государстве она ни выступала. Однако возникает другой вопрос: было ли это хорошо с точки зрения прогресса и развития человеческого общества? Реальные факты заставляют ответить на этот вопрос резко отрицательно.

В средние века латинский был мертвым языком, он не принадлежал ни одному из народов, живших в то время в Европе. Между тем, каждый из этих народов имел свой язык, на котором общался, на котором хотел читать и писать. Но католическая церковь, мечтавшая об универсальном «граде божием», требовала единообразия в употреблении языка, боролась с духовным стремлением народов к своему родному языку, к своей письменности.

Эта борьба становилась особенно интенсивной по мере развития средневековых народностей, по мере зарождения современных наций. Лучшие сыны народа, борясь за независимость своей родины, боролись и за право на жизнь родного языка (например, чешский реформатор Ян Гус). Подобных смельчаков ждали пытки и костер. Католическая церковь жестоко расправлялась с теми, кто посягал на ее монопольные права.

Таким образом, тезисы западной историографии и прогрессивной роли католической церкви как двигателя культуры не выдерживают никакой критики. Напротив, если средневековое человечество так долго пребывало во мраке невежества, то винить за это можно только католических «благодетелей».

Общий характер средневековой культуры. Схоластика. Мы уже рассмотрели то печальное состояние, в котором находилась в начале феодальной эпохи Европа после «варварских» завоеваний. Первый решительный толчок к сдвигу в области культуры был дан экономическим развитием феодального мира, приведшим к великому общественному разделению труда — отделению ремесла от сельского хозяйства.

Становление города и товарного хозяйства, появление сословия горожан, развитие ремесла и далекие путешествия в торговых целях — все это требовало реальных знаний, почерпнутых из жизни, из опыта, а не из церковной догмы. Повышается грамотность среди феодалов и верхушки горожан. Повсюду появились начальные школы. С ростом городов начали организовываться первые университеты, горожане стали создавать свою литературу, далекую от идеалов церкви, свою культуру, несовместимую с католическим ханжеством. Однако церковь была достаточно сильна, чтобы устоять перед этим натиском, и сумела на него ответить. Она добилась установления своего контроля над университетами, из которых были изгнаны реальные науки, объявила

еретическими зачатки новой городской культуры и подвергала гонениям пионеров новых идей. Главным факультетом в средневековых университетах был признан богословский. В основу преподавания науки был положен схоластический метод.

Средневековая схоластика, как известно, стала нарицательным термином. Под схоластикой («школярством») мы понимаем изучение тех или иных явлений в полном отрыве от жизни, догматический, начетнический подход к вопросу, подлежащему исследованию. Схоласты не интересовались реальной природой и ее законами. Они считали постыдным и греховным обращаться к «низменной материи». Основным источником познания для них служило Священное Писание и творения «отцов церкви». Схоласты изощрались в выучивании наизусть церковных текстов. В своих спорах они состязались в цитировании по памяти из таких текстов. Весьма показательна тематика тех ученых диспутов. Так, в XII в. в одном из университетов оживленные дебаты вызвала проблема «есть ли глаза у крота?». Казалось бы, ответить на такой вопрос чрезвычайно просто: достаточно поймать крота и рассмотреть его. Но ученые мужи считали подобное решение задачи недостойным истинной науки. Они предпочли оперировать цитатами из Священного Писания. Крупнейшие представители схоластики (Альберт Великий, Фома Аквинский и др.) составили настоящие схоластические энциклопедии, в которых с «мертвящих» позиций «объяснялись» все явления природы и общественного блага.

Социальная основа схоластики вполне ясна. Католическая церковь, в руках которой находилась средневековая «наука», стремилась увести человека от излишних «мудрствований» над истинными причинами своего тяжелого положения и классового неравенства. Человеку внушали, что ответы на все волнующие его вопросы можно найти только в религиозной догме и в поучениях «святых» праведников.

Конечно, даже в эту мрачную эпоху существовали передовые ученые, которые спорили с догматикой церкви, возражали против схоластического подхода к явлениям жизни. Все они были представителями ранней городской культуры.

Спор об «универсалиях». Пьер Абеляр и Роджер Бэкон. Весьма показательным является «спор об универсалиях», который

имел место среди ученых-схоластов в конце XI — начале XII вв. Ортодоксальные схоласты («реалисты») считали, что общие понятия (универсалии) реально существуют вне зависимости от тех предметов, к которым они относятся. Сами предметы, как и весь материальный мир, являются лишь отражением универсалий. Против реалистов выступили так называемые номиналисты, которые считали, что универсалии суть лишь слова или наименования предметов, реально существующих вне всякой зависимости от универсалий. Говоря иными словами, номиналисты выступали впервые в средневековой истории с позиций примитивного материализма, правильно считая, что материальные предметы первичны, а их названия или понятия вторичны, производны.

Движение номиналистов оказало большое влияние на талантливого французского ученого-богослова Пьера Абеляра (1079—1142), дерзнувшего открыто выступить против прославленных авторитетов католической церкви. В своих лекциях и трактатах Абельяр подвергал критике церковной догмы, призывал к отказу от слепой веры в чудеса и нелепицы. Абельяр утверждал, что всякому положению церковной схоластики можно противопоставить другое положение, не менее убедительное. Только разум дает возможность человеку сделать правильный выбор. Низвергая церковные авторитеты, Абельяр одновременно выступал в защиту античной философии, подчеркивая ее рационализм и ее жизнеутверждающий характер.

Еще дальше пошел замечательный английский ученый Роджер Бэкон (1214—1294). Вопреки господству церковно-схоластической системы Бэкон утверждал, что в основе любого человеческого знания должен лежать практический подход, опыт. Без опыта ни авторитет, ни доводы разума не имеют окончательного значения. Бэкон предвидел великое будущее опытной науки, предсказал ряд изобретений, таких как микроскоп и телескоп, паровой двигатель, самолет и т.п. Издеваясь над невежеством попов и монахов, Бэкон требовал свободы для научных исследований, независимости науки от церкви.

Католическая церковь беспощадно расправлялась с этими борцами за новые идеи. Положения номиналистов были преданы анафеме, а их носители осуждены церковным судом. Церковный собор дважды осудил Абеляра как еретика. Его сочинения были

сожжены, ему было запрещено писать и преподавать. Роджер Бэкон, обвиненный в колдовстве, большую часть своей жизни провел в темнице. Обрушивая на «еретиков» всю силу своих репрессий, церковь учредила «святую инквизицию» и стала организовывать специальные отряды своих агентов — монашеские «нищенствующие» ордена. Контроль над духовной жизнью средневекового человека стал еще более свирепым. Однако никакие репрессии не могли остановить движения жизни, которая требовала новой культуры, новой науки. Развивающиеся производительные силы, перестраивая средневековую экономику, изменяя социальную структуру общества, наносили новые и новые удары по феодальной идеологии. Родиной великого перелома в области культуры и науки стала Италия.

Гуманизм и Возрождение в Италии. В XIII—XIV вв. Северная и отчасти Средняя Италия были наиболее передовыми областями Западной Европы. Здесь раньше, чем где бы то ни было, появились ростки капиталистического способа производства, здесь впервые зародился новый класс, стремившийся к экономическому и политическому господству, — буржуазия.

Флорентийского предпринимателя и венецианского купца не устраивало религиозное мировоззрение средневекового схоласта-аскета. Буржуа рвался к практической деятельности и на свою ловкость и предприимчивость надеялся гораздо больше, чем на «божью благодать». Буржуа интересовался реальной жизнью, в первую очередь истинным творцом этой жизни — человеком. Ему нужна была не мертвенная «божественная наука» с ее схоластическим начетничеством, а новая, практическая наука, созданная человеком для своих нужд. Отсюда идет движение, которое стали называть гуманизмом.

Для гуманизма характерен повышенный интерес к античной культуре. Воюя с католической церковью, выступая против схоластики, гуманисты извлекали значительную часть своего идейного оружия из арсеналов античной философии, античной науки, античного искусства. Поэтому гуманистам казалось, что они возрождают лучшие традиции античности, саму античность.

Отсюда и название этого периода: «эпоха Возрождения», или «Ренессанс». Гуманизм, следовательно, был идейным содержанием Возрождения, которое опиралось на гуманизм, проистекало от него.

Гуманизм как новое мировоззрение характеризуется, по крайней мере, четырьмя основными чертами. Эти черты таковы.

1. Индивидуализм. Зарождение и развитие капиталистических отношений в Италии выдвинуло свободную конкуренцию, неизвестную феодальному обществу с его регламентами и корпоративными ограничениями. Теперь актуальным стал лозунг: «Каждый за себя и для себя». Отныне не родовитость, не происхождение, а личные качества человека, его предприимчивость, одаренность, деловитость — вот что обеспечивало успех, богатство. Отсюда — индивидуализм гуманистов, подчеркивание ценности человеческой личности, интерес к человеческим делам и переживаниям, забота о правах человека и т.п. Следует, разумеется, помнить, что под этим абстрактным человеком гуманист всегда подразумевает буржуа и только буржуа.

2. Происхождение национального сознания. Как идеологи молодой буржуазии, гуманисты были заинтересованы в единстве страны и распространении одного языка по всей стране. В период зарождения этнических общностей ранняя буржуазия неизменно оставалась носительницей национальных начал. Борясь с церковной идеологией, гуманисты противопоставляли церковной латыни национальные языки, на которых они, вопреки средневековой традиции, не только говорили, но и писали свои произведения.

3. Эмпиризм в науке. В отличие от схоластов идеологи гуманизма требовали отказа от начетничества, установления опыта, практики в качестве обязательного средства проверки теоретических положений. Ставя производство на научную основу, буржуа нуждался в эксперименте и доверял только эксперименту.

4. Реализм в искусстве. В феодальном обществе искусство было всецело подчинено идейным задачам церкви. Произведения архитектуры, скульптуры, живописи должны были неизменно подчеркивать брэнность, преходящий характер мирского существования и вечность загробной жизни. Средневековые мастера в этих целях нарочно избегали реалистического изображения человека и природы, придавая своим произведениям церковно-морализирующий оттенок и вытравляя из искусства светские, «греховные» сюжеты. Человек Возрождения, напротив, полностью отринул церковную условность и стилизацию. То, что казалось в прошлом «греховным», пленяло его. Вместо готических

соборов он стал создавать комфортабельные дворцы, вместо фигур изможденных святых — прекрасные статуи и картины, отражающие красоту человеческого тела и выразительность человеческого лица. Теперь даже произведения религиозного сюжета дышат полнотой светской жизни. Художник изучает природу и подражает ей.

Так гуманизм, разрывая цепи вековых традиций, прокладывает дорогу в будущее. Буржуазия, овладевавшая неслыханными богатствами, стремилась насладиться жизнью и перестроить ее в соответствии со своими запросами.

Появление буржуазной интеллигенции. Распространение гуманизма. Гуманизм создавал кадры новой интеллигенции буржуазной интеллигенции. Писатели и поэты, художники и архитекторы, филологи и историки, инженеры и врачи — десятки новых профессий приобретали теперь особенное значение, с трудом удовлетворяя постоянно растущий спрос. Деятели Возрождения, отвечая потребностям времени, как правило, многогранен: он и художник, и скульптор, и зодчий, и инженер. Многие поэты были одновременно и новеллистами, и историками, и филологами. При этом деятели Возрождения были очень подвижны. Стремясь получить как можно больше впечатлений, они много путешествовали, разнося по другим странам идеи и образы, родившиеся в Италии. Первые гуманисты — писатели Петрарка (1304—1374) и Бокаччо (1313—1375), ученый филолог Лоренцо Валла (1407—1457), историк Флавио Биондо (1388—1463) и многие другие — вскоре стали известны в Европе, а сочинения их сделали достоянием грамотных людей разных стран. Этому много способствовало изобретение Гутенбергом книгопечатания (1440) и распространение книжного дела.

Постепенно гуманизм, обретая различную национальную окраску, распространялся и в Германии, и в Англии, и во Франции, и в Чехии, и в Польше. В XVI в. он окончательно превращается в общеевропейское культурное движение, наносящее смертельный удар средневековой схоластике.

Кризис феодальной идеологии. Упадок католической церкви в XIV—XV вв. В XIV—XV вв. католическая церковь как организация и как идеология вступает в полосу глубокого кризиса. В безвозвратное прошлое уходят претензии папства на мировое

господство. Образование централизованных государств и усиление престижа светской власти короля заставляют папу сократить свои аппетиты. Рост национального движения в Европе, многочисленные «ереси», складывающиеся повсюду, распространение гуманистических идей — все это крайне ослабляет значение католицизма как международного жандарма в области идеологии. Одновременно с этим расшатываются и внутренние устои папства. Начинается период «великого раскола» в католической церкви, когда несколько пап одновременно пытаются утвердиться во власти, проклиная и предавая анафеме друг друга (1378—1417).

Крайне обеспокоенные этим духовные и светские феодалы Европы делают попытку подправить, подновить церковь и папство сверху, дабы они не начали реформироваться снизу, силами широких народных масс. В этих целях один за другим созываются четыре больших собора (1409—1439), главную роль среди которых играет Констанцкий собор (1414—1418 г.). Соборное движение ставило своей целью разгромить «ереси», поднять престиж церкви и не допустить возможности «многопапия» в будущем, установив принцип, согласно которому должна была контролироваться деятельность папства («собор выше папы»).

Эти задачи соборам удалось выполнить лишь отчасти. Констанцкий собор осудил и сжег великого сына чешского народа, реформатора Яна Гуса (1415). Однако вслед за этим по Европе пронеслись мощные Гуситские войны, эхом отозвавшиеся в каждом из уголков католического мира.

Соборы добились ликвидации «многопапия» и избрания единого папы, но этот папа не признал главного тезиса движения — «собор выше папы», разогнал своих «спасителей» и стал по-прежнему неограниченно распоряжаться всеми церковными делами.

Потерпела также полный крах попытка Флорентийского собора (1438—1439) установить унию с православной церковью в целях распространения своей власти на страны Восточной Европы.

Однако крах соборного движения все же не означал полного упадка католической церкви. Церковь еще была сильна, она располагала колоссальными богатствами, под ее началом находились бесчисленные споры попов, монахов и других агентов католицизма. Папство собиралось с силами, чтобы нанести ответный смертельный удар новым веяниям. Финальная борьба, наиболее

жестокая и кровавая, должна была разыгаться в следующем периоде истории феодализма — периоде позднего средневековья.

Общая характеристика периода развитого феодализма. Раскрытие содержания проблем, изложенных выше, выявляет общую характеристику периода развитого феодализма и его место в курсе истории средних веков.

Это было время расцвета феодализма, период его зрелости и начало его упадка. Когда мы говорим «средневековое», то имеем в виду период именно феодализма.

Феодальное производство в деревне (крепостническое поместье) и в городе (цех) достигает своего наивысшего подъема и вместе с тем испытывает первые симптомы разложения.

Товарное хозяйство и товарно-денежные отношения меняют лицо феодальной Европы, оживляют экономические связи, содействуют консолидации сословного государства.

Кое-где спорадически начинают пробиваться побег капитализма, вступающего в острый конфликт с феодальной экономикой и идеологией.

Ширится классовая борьба, принимая все более яркие формы и создавая предпосылки для будущих ранних буржуазных революций.

Таким образом, период развитого феодализма утверждает феодальную формацию и открывает пути к ее гибели — пути в период упадка феодализма и генезиса капитализма.

Этим определяется место и значение рассмотренного периода как в истории средних веков, так и в общей истории человечества.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебники

1. История средних веков: Учебник для студентов ист. фак. пед. ин-тов / М.Л.Абрамсон, А.А.Кириллова, Н.Ф.Колесницкий и др.; Под ред. Н.Ф.Колесницкого. М., 1980.
2. История средних веков: В 2 т.: Учебник / Под ред. С.Д.Сказкина и др. М., 1977.
3. Петров Е.В. История средних веков Западной Европы в раннее средневековье. Нижневартовск, 1998.
4. Петров Е.В. История средних веков периода развитого феодализма. Нижневартовск, 2005.

Хрестоматии

1. Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. / Под ред. С.Д.Сказкина. М., 1961.
2. Петров Е.В. Практикум по истории средних веков. Нижневартовск, 2003.
3. Практикум по истории средних веков (для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов) / Сост.: М.Л.Абрамсон, С.А.Сливко, М.М.Фрейденберг. М., 1967.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА	3
1.1. Римская империя и «варвары»	4
1.2. Развитие феодальных отношений VI—X вв.	15
Часть II. РАЗВИТОЙ ФЕОДАЛИЗМ	27
2.1. Средневековый город. Развитие ремесла и торговли.....	27
2.2. Феодализм и товарное хозяйство	35
2.3. Образование централизованных государств.....	43
2.4. Некоторые особенности средневековой идеологии и культуры	59
Рекомендуемая литература	70

Учебное издание

Петров Евгений Васильевич

ОСНОВЫ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Учебное пособие

Корректор *Ш.А.Амади*
Компьютерная верстка *Е.В.Васенгиной, С.В.Зайнитдиновой*
Художник обложки *Л.П.Павлова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 24.03.2008
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 4,5
Тираж 500 экз. Заказ 474

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: ngripuc@wsmail.ru*